

**ПАВЕЛ
МЕЛЬНИКОВ-ВЕЧЕРСКИЙ
КНЯЖНА ТАРАКАНОВА
И ПРИЦЕССА ВЛАДИМИРСКАЯ**

Павел Иванович Мельников-Печерский Княжна Тараканова и принцесса Владимирская

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2377585

Княжна Тараканова и принцесса Владимирская : повести, рассказы, письма, очерк / Павел Мельников (Андрей Печерский).: Эксмо; Москва;

2011

ISBN 978-5-699-52030-5

Аннотация

«Об этой самозванке писали иностранцы с разными, по обыкновению, прикрасами. Они-то и утвердили мнение, будто эта женщина действительно была дочерью императрицы, имевшею законное право на русский престол, что, взятая в Италии графом Алексеем Григорьевичем Орловым-Чесменским, она была привезена в Петербург, заточена в Петропавловскую крепость и там, 10 сентября 1777 года, во время сильного наводнения, затоплена в каземате, из которого ее забыли или не хотели вывести...»

Содержание

I	4
II	10
III	15
IV	19
V	22
VI	33
VII	43
VIII	46
IX	54
X	61
XI	66
XII	73
XIII	78
Конец ознакомительного фрагмента.	83

Павел Иванович Мельников-Печерский Княжна Тараканова и принцесса Владимирская

I

Впервой книжке «Чтений», издаваемых императорским Московским Обществом Истории и Древностей, 1867 года, помещены доставленные почетным членом этого Общества, графом В. Н. Паниным, чрезвычайно любопытные сведения о загадочной женщине, что в семидесятых годах прошлого столетия, за границей, выдавала себя за дочь императрицы Елизаветы Петровны, рожденную от законного брака ее с фельдмаршалом графом А. Г. Разумовским. Время появления самозванки весьма знаменательно: оно явилось непосредственно за первым разделом Польши и одновременно с Пугачевым. Близкие сношения ее с поляками, уехавшими за границу, особенно же с знаменитым князем Карлом Радзивилом, коронным генеральной конфедерации маршалом, палатином виленским, с этим магнатом, обладавшим несметными богатствами, идолом шляхты, известным под именем

«пане коханку», не оставляют сомнения, что эта женщина была орудием польской интриги против императрицы Екатерины II.

Об этой самозванке писали иностранцы с разными, по обыкновению, прикрасами. Они-то и утвердили мнение, будто эта женщина действительно была дочерью императрицы, имевшею законное право на русский престол, что, взятая в Италии графом Алексеем Григорьевичем Орловым-Чесменским, она была привезена в Петербург, заточена в Петропавловскую крепость и там, 10 сентября 1777 года, во время сильного наводнения, затоплена в каземате, из которого ее забыли или не хотели вывести.

В 1863 году в Петербурге, на художественной выставке Академии Художеств, обращала на себя внимание публики картина даровитого художника, покойного Флавицкого, изображающая ужасную смерть «княжны Таракановой». Картина эта в 1867 году была отправлена на Парижскую всемирную выставку. Она изображает женщину, одетую в поношенное и уже изорванное платье из атласа и бархата, стоящую на кровати, покрытой овчинным одеялом. В окно с железною решеткой хлещет вода и наполняет комнату; крысы плавают, пробираются на кровать и на платье заключенной. Несчастная в отчаянии смотрит на неизбежную гибель. Картина г. Флавицкого, заслуживающая, по отзывам знатоков, большую похвалу в отношении художественном и удостоенная Академией заслуженной награды, еще более распро-

странила в публике уверенность в истине небывалого происшествия, придуманного досужими иностранцами, писавшими много разнообразного вздора об Екатерине II. Самозванка (а не настоящая княжна Тараканова) действительно была заключена в Петропавловской крепости, но, как видно из опубликованных теперь и не подлежащих никакому сомнению известий, – умерла от чахотки года за два до наводнения 1777 года.

Манштейн и некоторые другие иностранные писатели говорят, что императрица Елизавета Петровна тайно вступила в законный брак с Алексеем Григорьевичем Разумовским. Об этом несколько раз говорено было и в русской печати. В первый раз сделал печатный намек о браке Елизаветы г. Бантыш-Каменский в 1836 году. В его «Словаре достопамятных людей Русской земли» (т. IV, биография А. Г. Разумовского) сказано: «Манштейн в своих «Записках» сохранил любопытные, но едва ли достоверные подробности об отношениях императрицы Елизаветы к графу Разумовскому». Из напечатанных в России известий о тайном браке императрицы особенно замечателен «Рассказ о браке императрицы Елизаветы Петровны», напечатанный в третьей книжке «Чтений в Обществе Истории и Древностей» 1863 года. Это рассказ покойного графа С. С. Уварова, который женат был на последней в роде Разумовских, графине Екатерине Алексеевне (ум. 1849 г.), и слышал о таинственном браке от своего тестя, приходившегося родным племянником графу Алексею

Григорьевичу. В своем месте мы передадим этот в высшей степени любопытный рассказ.

О браке императрицы Елизаветы Петровны с Разумовским и о детях, рожденных ею от этого брака, сохранилось у нас немало преданий. Предания эти обращались и обращаются не в одном тесном кружке высшего общества; в простом народе из поколения в поколение передаются рассказы о браке императрицы с ее подданным и о судьбе их детей. Так, в Москве народ, указывая на церковь Воскресения в Барашах, крест на которой увенчан короной, говорит, что здесь венчалась царица Елизавета и что в память этого события брачный венец поставлен на кресте церковном. На находящийся неподалеку от этой церкви дом, строенный по проекту графа Растрелли и занимаемый теперь четвертою гимназией¹, указывают как на дом, где тихо праздновалась тайная свадьба, где некоторое время жил Разумовский с царственною своею супругой. В Пучеже сохраняются в народе предания о дочери Елизаветы, жившей будто бы в этом посаде при Пушавинской церкви, под именем Варвары Мироновны Назарьевой или инокини Аркадии, и умершей в 1839 году². По-

¹ Дом этот принадлежит кн. Трубецкому и известен в Москве под названием «Комода».

² Во второй книжке «Чтений Общества Истории и Древностей» 1866 года напечатана статья г. Семевского «Заметка об одной могиле в посаде Пучеже». В ней сказано, что эта Варвара Мироновна была не кто иная, как дочь императрицы Елизаветы. На месте действительно ходит такой слух в народе, но Варвара Мироновна ничего общего с княжной Таракановой не имеет.

добные предания сохраняются и по другим местам: в некоторые женские монастыри, например, в Арзамасе, в Екатеринбурге, в Уфе, в Нижнем, в Костроме и других местах, с таинственностью привозили в прошлом столетии женщин, принадлежавших к высшему сословию, и они в укромных обителях доживали свои дни. То были женщины, которых, по неизвестным еще пока причинам, как «умалишенных», удаляли из общества под попечительный надзор игумений³. Всем почти таким заточенницам, как и пучежской Варваре Мироновне, местная молва приписывала происхождение от императрицы Елизаветы... В селе Работках, Макарьевского уезда, Нижегородской губернии, сохраняется память о бывшем тамошнем помещике Шубине, за которого будто бы императрица Елизавета желала выйти замуж, но он отказался от этой чести, уступив царственную невесту Разумовскому. В Переславле-Залесском сохраняется предание о браке Елизаветы и о том, что в этом городе, в одном из тамошних монастырей, жил князь Тараканов, рожденный от этого брака. В Александровске, Владимирской губернии, где жила некоторое время Елизавета Петровна, еще бывши цесаревной, также сохраняется предание о браке ее с Разумовским. В Ярославской, Владимирской и Тверской губерниях нам слу-

³ Для мужчин в XVIII столетии устроены были особые казематы в монастырях Соловецком и Спасо-Евфимьевом Суздальском. Они ссылались туда под названием «умалишенных». Теперь в казематах обоих этих монастырей содержатся преимущественно духовные лица, а также разные секгаторы, признанные вредными.

чалось слышать такое же народное предание.

Все эти предания отличаются местными подробностями, но сводятся на следующее: императрица Елизавета вступила в тайный брак с Разумовским и имела детей – сына и дочь. Как рожденные от брака хотя и законного, но тайного, они не имели права на престолонаследие и по возрасту убеждены были добровольно отказаться от света и посвятить жизнь свою служению богу, дабы не сделаться орудием честолюбцев, которые могли бы употребить их имя и мнимые права для достижения собственных своекорыстных целей, дабы не быть таким образом невольною причиною весьма возможных в прошлом столетии политических замешательств. Ни о желании детей Елизаветы занять высокое положение своей матери, ни о жалобах их на печальную судьбу свою предания не упоминают ни слова. Должно быть, Таракановы были далеки от честолюбия и оставались довольны своею скромною долей. Хотя в царствование Екатерины II и являлось немало самозванцев, принимавших на себя имя Петра III, но самозванцы Таракановы не могли явиться в России. Самозванка явилась лишь за границей.

II

Цесаревна Елизавета Петровна родилась в год Полтавской победы, и когда умерла ее мать, императрица Екатерина I, ей только что исполнилось восемнадцать лет. Она была редкой, необычайной красоты. Портреты ее, находящиеся в Романовской галерее и в галерее Гатчинского дворца, свидетельствуют, как красива, как привлекательна была она во время первой молодости. Веселый, беззаботный характер и сердечная доброта отражались на нежных чертах миловидного лица белокурой цесаревны. Она была грациозна и приводила в восхищение всех знавших ее. Обе дочери Петра Великого, по справедливости, назывались первыми красавицами Севера. Берхгольц в своем «Дневнике» так описывает ее: «По левую сторону царицы стояла вторая принцесса, белокурая и очень нежная, лицо у нее, как и у старшей, чрезвычайно доброе и приятное. Она годами двумя моложе и меньше ростом, но гораздо живее и полнее старшей, которая немного худа»⁴. Елизавета не отличалась ни блестящими свойствами ума, ни политическими способностями; она любила удовольствия, любила роскошь, мир, тишину, была беспечна, ленива и, как известно, не искала престола, желая лишь одного: полной свободы действий в частной жизни. Самое вступление ее на

⁴ «Дневник камер-юнкера Берхгольца», 1, 54.

престол совершилось почти помимо ее воли; известно, что приверженцам ее немало было труда – склонить цесаревну к решительным действиям; только страх монастырского заключения заставил беспечную, ленивую и начинавшую уже отцветать красавицу сделать желанный другими, но не ею, решительный шаг.

Еще при жизни матери Елизавета объявлена была невестой голштинского принца Карла Августа, епископа Любского; но брак не состоялся по случаю смерти жениха, последовавшей месяца через полтора по кончине Екатерины I. Через месяц после того (25 июля 1727 г.) старшая сестра Елизаветы, герцогиня голштинская Анна Петровна, с горестными слезами уехала с мужем из России в Голштинию, измученная нападками всеильного князя Меншикова. Елизавета Петровна осталась в одиночестве. Она была сирота, в полном смысле этого слова: ни отца, ни матери, ни доброго руководителя у восемнадцатилетней девушки, пылкой, страстной, готовой пожертвовать, пренебречь всем для удовольствий и свободной, веселой жизни. Император, племянник ее, был еще очень молод, бабушка его, царица Авдотья Федоровна, не могла питать нежных чувств к дочери своей соперницы, которую считала причиной своих злоключений и плачевной кончины своего сына. К тому же она жила в монастыре, и двор был совсем чужд ей. Сестра императора, Наталья Алексеевна, была только годом старше своего брата и, кажется, не любила Елизавету. Царевны, доче-

ри царя Ивана Алексеевича, жили в Москве; к ним Елизавета также находилась в самых холодных отношениях; словом, в царской семье она была совершенно чужою. Она потеряла всякое значение и в глазах верховных сановников империи, особенно после падения Меншикова. Остерман предложил было обвенчать четырнадцатилетнего императора на его тетке Елизавете, чтобы таким образом соединить потомство Петра Великого от обеих жен. Но эта немецкая выдумка не могла быть приведена в исполнение: уставы православной церкви не дозволяют брака в столь близкой степени родства. Некоторое время Елизавета находилась с своим племянником-императором в самых приятных, в самых близких, коротких отношениях и имела на него большое влияние. Остерман это хорошо понимал и потому предлагал невозможный брак. По падении Меншикова, когда двор переселился в Москву, на Петра II имела большое нравственное влияние сестра его Наталья Алексеевна, что не нравилось князьям Долгоруковым, самым близким людям к императору. Любимец государев, князь Иван Алексеевич Долгоруков, по внушению своего отца, чтобы поссорить брата с сестрой или по крайней мере охладить его к ней, всячески старался возбудить привязанность его к Елизавете. Очарованный прелестью своей тетки, Петр предался ей со всем пылом молодости, не скрывал ее на себя влияния даже во многолюдных собраниях и безусловно следовал ее внушениям. Долгоруковы не предвидели, что влияние Елизаветы будет так велико,

и искали способа удалить ее. Они придумали выдать ее замуж за известного Морица Саксонского, с 1725 года домогавшегося Курляндского герцогства. Это, однако, не состоялось, и когда Елизавета Петровна своим легкомыслием сама разрушила свою силу, потеряв влияние на племянника, Долгоруковы более не заботились о сватовстве ее. Последнее время Петрова царствования и первые годы Анны Ивановны цесаревна Елизавета жила отдельно от двора, в слободе Покровской, ныне вошедшей в состав города Москвы, в Переславле-Залесском и Александровской слободе (ныне город Александровск), нуждаясь нередко в денежных средствах. По своей беспечности, склонности к удовольствиям и крайнему нерасположению к труду она была совершенно безопасна для Анны Ивановны, но духовное завещание Екатерины I, по которому, в случае бездетной кончины Петра II, русская корона должна была перейти в руки одной из цесаревен, было всем памятно; оно беспокоило Анну и ближайших ее приверженцев. За Елизаветой учрежден был секретный, но бдительный надзор, но напрасно соглядатаи старались подметить в ней какие-либо политические замыслы. При дворе Елизаветы не было почти никого из знатных людей, в Покровском она нередко проводила время с слободскими девушками, в летние вечера водила с ними на лугу хороводы, пела песни и даже сочиняла их. Таким образом песня:

Во селе, селе Покровском,
Середь улицы большой,
Расплясались, расскакались
Красны девки меж собой —

приписывается Елизавете Петровне. В Переславле и Александровской слободе она также сближалась с простолюдинами. Это обратило на себя подозрительное внимание большого двора, уже переселившегося в Петербург. Боялись, чтоб она не приобрела такой популярности, которая могла бы сделаться опасною для императрицы. Елизавету вытребовали в Петербург, где она и поместилась в особом доме, называемом Смольным и находившемся в конце нынешней Воскресенской улицы. Впоследствии увидели, что популярность цесаревны в среде гвардейских солдат для преемника Анны была несравненно опаснее популярности между покровскими и александровскими слобожанами, переславскими посадскими и ямскими людьми.

III

Алексей Яковлевич Шубин, прапорщик лейб-гвардии Семеновского полка, молодой человек, не знатного происхождения⁵, но чрезвычайно красивой наружности, ловкий, проворный, расторопный, решительный и энергический, овладел сердцем Елизаветы Петровны⁶. Она предалась своему чувству со всем пылом молодости, со всем упоением страсти, как говорит предание, предполагала сочетаться с Шубиным браком⁷. Пример тайного брака царевны с подданным был уже подан: родная сестра императрицы Анны Ивановны, царевна Прасковья, была замужем за Иваном Ильичом Дмитриевым-Мамоновым и умерла в 1731 году, не пережив его смерти. Если б избранный сердцем Елизаветы был такой же ничтожный человек, как муж ее двоюродной сестры Прасковьи Ивановны, по всей вероятности, тайный брак ее с Шубиным не встретил бы препятствий со стороны импе-

⁵ До 1600 года дворян Шубиных не было. В 1699 двое Шубиных владели поместьями.

⁶ Манштейн.

⁷ Елизавета Петровна пламенно любила Шубина и выражала чувства свои в стихах, обращенных к нему. Вот одна строфа из них, приведенная г. Бантыш-Каменским в его «Словаре достопамятных людей» (второй выпуск. Спб. 1847, т. III, стр. 550): Я не в своей мочи — огонь утушить. Сердцем болею, да чем пособить? Что всегда различно и без тебя скучно — Легче б ты не злати, нежели так страдати- Всегда по тебе.

ратрицы; но энергический прапорщик казался опасным, он был любим товарищами, имел большое влияние на солдат, через него Елизавета сблизилась с гвардейцами и вступила с ними в такие же отношения, в каких находилась прежде с слобожанами Покровской и Александровской слободы: крестила у них детей, бывала на их свадьбах; солдат-именинник приходил к ней, по старому обычаю, с именинным пирогом и получал от нее подарки и чарку анисовки, которую, как хозяйка, Елизавета и сама выпивала за здоровье именинника. Гвардейские солдаты полюбили доступную цесаревну, стали называть ее «матушкой» и говорили друг другу, по внушению Шубина, что ей, дочери Петра Великого, «не сиротой плакаться», а следовало бы на престоле сидеть. Не дождавшись брачного венца, Шубин был арестован по повелению императрицы Анны, долго томился в оковах, в так называемом «каменном мешке», где нельзя было ни сесть, ни лечь, и наконец отправлен в Камчатку и обвенчан там, против воли, с камчадалкой⁸.

⁸ Вступив на престол, Елизавета Петровна вспомнила о своем любимце, посланном за нее в дальнюю Камчатку. С великим трудом отыскивали его не ранее 1742 года в одном камчадалском селении. Посланный объездил всю Камчатку, спрашивал везде, нет ли где Шубина, но не мог ничего разузнать. Когда его ссылали, то не объявили его имени, а самому ему запрещено было называть себя кому бы то ни было под страхом смертной казни. В одной юрте посланный отыскивать ссыльного спрашивал нескольких бывших тут арестантов, не слыхали ли они чего-нибудь про Шубина; никто не дал положительного ответа. Потом, разговорясь с арестантами, посланный упомянул имя императрицы Елизаветы Петровны. «Разве Елизавета царствует?» – спросил тогда один из ссыльных. «Да,

После ссылки Шубина пылкая Елизавета Петровна обратила внимание на Разумовского. Алексей Григорьевич Разумовский родился в один год с нею, то есть в 1709 году, в маленьком селе Лемешах⁹ Козелецкого уезда Черниговской губернии; отец его был простой казак Григорий Розум. У Алексея Розума был хороший голос, и он певал на клиросе приходской церкви. Для укомплектования придворной капеллы посылали из Петербурга набирать певчих обыкновенно в Малороссию, где, как известно, несравненно более хороших голосов, чем в Великой России. Полковник Вишнеvский, посланный с таким поручением в царствование Анны

вот уж другой год, как Елизавета Петровна восприяла родительский престол», – отвечал посланный. «Но чем вы удостоверите в истине?» – спросил ссылный. Офицер показал ему подорожную и другие бумаги, в которых было написано имя императрицы Елизаветы. «В таком случае Шубин, которого вы отыскиваете, перед вами», – отвечал арестант. Его привезли в Петербург, где 2 марта 1743 года он был произведен «за невинное претерпение» прямо в генерал-майоры и лейб-гвардии Семеновского полка в майоры и получил Александровскую ленту. Императрица пожаловала ему богатые вотчины, в том числе село Работки на Волге, что в нынешнем Макарьевском уезде Нижегородской губернии. Шубин недолго оставался при дворе. Камчатская ссылка совершенно расстроила его здоровье, он предался набожности, дошедшей до аскетизма, и в 1744 году, уже в чине генерал-поручика, когда особенно сильно было влияние на императрицу Разумовского, просил увольнения от службы. Получив отставку, Шубин поселился в пожалованных ему Работках, где и умер. На прощание императрица Елизавета подарила ему драгоценный образ Спасителя и часть ризы господней. То и другое доселе сохраняется в церкви села Работок. В этом селе передается из поколения в поколение предание об отношениях императрицы Елизаветы Петровны к бывшему тамошнему помещику.

⁹ Село Лемеша, в 10 верстах от Козельца, стоит на болоте и в настоящее время имеет всего 49 дворов с 174 жителями обоего пола.

Ивановны, услышал в Лемешовской церкви Алексея Розума, которому было тогда с небольшим двадцать лет, и взял его в придворные певчие. Во дворце увидела его Елизавета, постаралась перевести его в свой штат и поручила ему надзор за управлением своих поместий. Розум, переименованный в Разумовского, оставался при дворе цесаревны до вступления ее на престол. В тот же день, как Елизавета заняла место несчастного Ивана Антоновича, 25 ноября 1741 года, сделала она своего любимца действительным камергером, вскоре затем обер-егермейстером, а в день коронации своей, 25 апреля 1742 года, пожаловала ему Андреевскую ленту. В 1744 году Разумовский викарием Римской империи, курфирстом саксонским, был возведен в графское Римской империи достоинство, а через два месяца после того Елизавета Петровна возвела его в графы Российской империи. Это было 15 июня 1744 года. В этот день новопожалованный граф и обвенчался с Елизаветой Петровной в Москве в церкви Воскресения в Барашах, что на Покровской улице¹⁰. Затем он был произведен в генерал-фельдмаршалы, хотя никогда не бывал ни в одном походе.

¹⁰ Одни говорят, что брак Елизаветы был совершен 15 июля 1748, а другие относят его к 1750 году. Но принцесса Августа Тараканова, рожденная от этого брака, скончалась 4 февраля 1810 года, 64 лет от роду. Следовательно, она родилась или в январе 1746, или в 1745 году. По этому расчету мы и относим брак Елизаветы к 1744 году.

IV

Разумовский умел хорошо держать себя на той высоте, на которую был возведен. Хотя отношения его к императрице и были известны, но он всячески старался скрывать их, не гордился своим положением, был со всеми приветлив, всем услужлив и тем приобрел искреннюю любовь окружающих Елизавету. Сначала жил он в одном дворце с императрицей, а потом для него был построен особый дворец, известный ныне под названием Аничкова. Богатства Разумовского были несметны, и он умел ими пользоваться. Много добра делал он бедным и несчастным, снабжая их деньгами или ходатайствуя за них пред Елизаветой. Он любил поиграть в банк, и если узнавал, что кто-нибудь нуждается в денежных средствах, приглашал его играть и нарочно проигрывал ему более или менее значительные суммы. Одно в нем было неприятно: любил иногда выпить лишнюю рюмку вина и во хмелю был беспокоен, как говорит в своих «Записках» учитель Павла Петровича, Порошин. Это было, говорят, причиной охлаждения к нему Елизаветы, последовавшего года через четыре после брака. Елизавета Петровна, любившая театральные представления, в то время даваемые в сухопутном кадетском корпусе, однажды приехала туда нечаянно и, придя в театр, увидела на сцене спящего молодого человека, бывшего уже на выпуске. Это был Никита Афанасьевич

Бекетов, к которому, как тогда говорили, «счастье во сне пришло». По окончании спектакля он был пожалован в сержанты, а месяца через три выпущен из корпуса прямо премьер-майором (то есть подполковником) Преображенского полка и назначен генеральс-адъютантом к Разумовскому. Разумовский был совершенно равнодушен к возвышению нового любимца и был с ним в самых приятных отношениях. Но граф Петр Иванович Шувалов, опасаясь возраставшего влияния Бекетова, сблизился с этим неопытным юношей и вкрался в его доверенность. Расхваливая его красоту, особенно же белизну его лица, он советовал для поддержания ее употреблять какое-то притиранье, которое и дал ему. Бекетов поступил по совету Шувалова, и лицо его покрылось сыпью. Жена Шувалова, Мавра Егоровна, урожденная Шепелева, еще с ранней молодости Елизаветы пользовавшаяся особенною ее доверенностью и посвященная во все ее тайны, сказала ей, что Бекетов ведет распутную жизнь и заразился. Его тотчас же отправили в армию, а место его заступил Иван Иванович Шувалов, брат графа Петра Ивановича¹¹. Разумовский и с Шуваловым, и с другими фаворитами находился в столь же приятных отношениях, как и с Бекетовым. Впоследствии, по вступлении на престол Екатерины II, он совершенно отказался от двора и вел жизнь уединенную, выезжая только в церковь.

¹¹ *Бантыш-Каменский*. «Словарь достопамятных людей Русской земли», 1—115. *Вейдемейер*. «Двор и замечательные люди России», 1—3.

Вскоре по вступлении на престол Екатерины II Григорий Григорьевич Орлов, стремившийся занять положение, подобное положению Разумовского, сказал императрице, что брак Елизаветы, о котором пишут иностранцы, действительно был совершен, и у Разумовского есть письменные на то доказательства. На другой день Екатерина велела графу Воронцову написать указ о даровании Разумовскому, как супругу покойной императрицы, титула императорского высочества и проект указа показать Разумовскому, но попросить его, чтоб он предварительно показал бумаги, удостоверяющие в действительности события.

V

«Такое приказание, – рассказывал впоследствии граф С. С. Уваров (в Варшаве за обедом у наместника, князя Паскевича), – Воронцов слушал с величайшим удивлением, на лице его изображалась готовность высказать свое мнение, но Екатерина, как бы не замечая того, подтвердила серьезно приказание и, поклонившись благосклонно, с свойственной ей улыбкой благоволения, вышла, оставя Воронцова в совершенном недоумении. Он, видя, что ему остается только исполнить волю императрицы, поехал к себе, написал проект указа и отправился с ним к Разумовскому, которого застал сидящим в креслах у горящего камина и читающим Священное Писание.

После взаимных приветствий, между разговором, Воронцов объявил Разумовскому истинную причину своего приезда; последний потребовал проект указа, пробежал его глазами, встал тихо с своих кресел, медленно подошел к комоду, на котором стоял ларец черного дерева, окованный серебром и выложенный перламутром, отыскал в комодке ключ, отпер им ларец и из потаенного ящика вынул бумаги, обвитые в розовый атлас, развернул их, атлас спрятал обратно в ящик, а бумаги начал читать с благоговейным вниманием.

Все это он делал, не прерывая молчания. Наконец, прочитав бумаги, поцеловал их, возвел глаза, орошенные слезами,

к образам, перекрестился и, возвратясь с приметным волнением души к камину, у которого оставался граф Воронцов, бросил сверток в огонь, опустил в кресла и, помолчав еще несколько, сказал:

«...Я не был ничем более, как верным рабом ее величества, покойной императрицы Елизаветы Петровны, осыпавшей меня благодеяниями выше заслуг моих. Никогда не забывал я, из какой доли и на какую степень возведен был десницею ее. Обожал ее, как сердолюбивую мать миллионов народа и примерную христианку, и никогда не дерзнул самую мыслию сблизиться с ее царственным величием. Стократ смиряюсь, вспоминая прошедшее, живу в будущем, его же не преждем, в молитвах к вседержителю. Мысленно лобызаю державные руки ныне царствующей монархини, под скипетром коей безмятежно в остальных днях жизни вкушаю дары благодеяний, излианных на меня от престола. Если бы было некогда то, о чем вы говорите со мною, поверьте, граф, что я не имел бы суетности признать случай, помрачающий незабвенную память монархини, моей благодетельницы. Теперь вы видите, что у меня нет никаких документов, доложите обо всем этом всемилостивейшей государыне, да продлит милости свои на меня, старца, не желающего никаких земных почестей. Прощайте, ваше сиятельство! Да останется все происшедшее между нами в тайне! Пусть люди говорят, что им угодно; пусть дерзновенные простирают надежды к мнимым величиям, но мы не должны быть причиной их толков».

От Разумовского Воронцов поехал прямо к государыне и донес ей с подробностью об исполнении порученного ему. Императрица, выслушав, взглянула на Воронцова проницательно, подала руку, которую он поцеловал с чувством преданности, и вымолвила с важностью:

«Мы друг друга понимаем: тайного брака не существовало, хотя бы то для усыпления боязливой совести. Шепот о сем всегда был для меня противен. Почтенный старик предупредил меня, но я ожидала этого от свойственного малороссам самоотвержения»¹².

Как иностранные писатели, так и предания, сохранившиеся в России, единогласно утверждают, что у Елизаветы от брака с Разумовским были дети. Кастера в своей «Histoire de Catherine II» говорит, что детей было трое, из них младшая – княжна Тараканова, родившаяся в 1755 году; старшие же были сыновья, из которых один был жив еще в 1800 году, а другой еще в молодых годах, приготавливаясь к горной службе, учился химии у профессора Лемана и вместе с своим учителем был удушен испарениями какого-то состава, пролившегося из разбитой по неосторожности бутылки. Гельбих, живший долго в России и вообще сообщаящий известия, отличающиеся истиной и подтверждаемые во многом архивными делами, в своей «Russische Cunstlinge» говорит, согласно с русскими преданиями, что детей у Елизаветы Петровны бы-

¹² «Чтения в импер. Общ. Истории и Древн.», 1863 г., книжка 3, статья «Рассказ о браке императрицы Елизаветы Петровны».

ло двое: сын, имевший фамилию Закревского, и дочь Елизавета Тараканова¹³, которую считает дочерью Ивана Ивановича Шувалова, рожденною в 1753 году. Но этот год показан по соображении возраста не настоящей Таракановой, рожденной в 1745 году, а самозванки, которая в 1775 году говорила, что ей двадцать три года. Дюкло в своих «Memoires secrets sur la France» говорит, что дети Елизаветы воспитывались у одной приближенной к императрице итальянки Иоанны и были признаваемы за собственных ее детей. Гельбих также говорит, что Тараканова отвезена итальянкой, своею воспитательницей, в Италию, еще при жизни Елизаветы, и до кончины ее жила там в полном довольстве. Он прибавляет, что отец Таракановой, Иван Иванович Шувалов(?), удалившийся по воцарении Екатерины за границу на целые пятнадцать лет, виделся с Таракановой в Италии, но не открылся ей. Из опубликованных теперь графом В. Н. Паниным сведений оказывается, что действительно Алексей Орлов намеками взводил подозрение на Шувалова в сношениях не с настоящею, но с самозванкой Таракановою (не называя, впрочем, прямо его по имени). Оказалось, однако, что захвачен-

¹³ В статье М. Н. Лонгинова «Княжна Тараканова», помещенной в 24-й книжке «Русского вестника» 1859 года, сказано, что этот Закревский был впоследствии тайным советником и президентом медицинской коллегии и что одна из его дочерей (Прасковья Андреевна, род. 1763, ум. 1816 г.) была замужем за генералом-аншефом графом Павлом Сергеевичем Потемкиным (генерал-губернатор кавказский, умер внезапно 29 марта 1796 года в Москве, во время посещения его известным дельцом тайной полиции Шешковским).

ные нежные письма к псевдо-Таракановой писаны были хотя и похожим на шуваловский почерком, но не им, а сведенным с ума самозванкой владетельным князем Лимбургским.

Между истинною Таракановой и самозванкой, наделавшей много шума в Европе во время пугачевского бунта, общего нет ничего. Вот все, что мы знаем о действительно рожденных Елизаветою Петровною детях от тайного брака с Разумовским.

Их было двое – сын и дочь. О сыне письменных свидетельств никаких не сохранилось. По крайней мере, доселе исследователи старинных архивов ничего не заявляли о нем. Известно только по преданию, что он жил до начала нынешнего столетия в одном из монастырей Переславля-Залесского и горько жаловался на свою участь. Это говорил покойный граф Д. Н. Блудов, которому хорошо были известны подобные тайны¹⁴.

Дочь Елизаветы Петровны носила имя Августы, как свидетельствует портрет ее, находящийся в настоятельских кельях Московского Новоспасского монастыря¹⁵. По свиде-

¹⁴ «Русский архив» 1865 года, книжка 1, статья М. Н. Лонгинова «Заметка о княжне Таракановой», стр. 94.

¹⁵ Копия с этого портрета (в монашеском одеянии) приложена к одному из выпусков «Русских достопамятностей», издаваемых А. А. Мартыновым (выпуск 5-й, «Ивановский монастырь»). Портрет писан на полотне, вышина его – 10¹/₂ ширины – 7¹/₂ вершков, на задней стороне надпись: «Принцесса Августа Тараканова, во иноцех Досифея, постриженная в Московском Ивановском монастыре, где по многих годах праведной жизни своей скончалась 1808 года и погребена в Но-

тельству Г. И. Головиной, которая училась в Ивановском монастыре и через одну монахиню сблизилась с княжной Таракановой, она звала себя по отчеству Матвеевной¹⁶. Отчество это, конечно, вымышленное. Почему она получила фамилию Таракановой, сказать трудно, но во всяком случае не потому, что отец ее, граф Разумовский, родился в слободе Таракановке, как рассказывал покойный граф Д. Н. Блудов¹⁷. Такой слободы нет во всей Черниговской губернии¹⁸. Где воспитывалась принцесса Августа и где она находилась до 1785 года, то есть до сорокалетнего возраста, мы не знаем¹⁹. В этом году она привезена была по именному повеле-

воспаском монастыре». Судя по портрету, принцесса Августа имела сходство с Елизаветою Петровною. В 1867 году этот портрет был выставлен публично в Москве на постоянной художественной выставке.

¹⁶ «Современная летопись» 1865 года, № 13, статья г. Самгина.

¹⁷ «Русский архив» 1865 г., книжка 1, статья М. Н. Лонгинова «Заметка о княжне Таракановой», стр. 94.

¹⁸ «Списки населенных местностей Российской империи», составленные и изданные центральным статистическим комитетом, т. XLXIII.

¹⁹ В статье г. Самгина («Современная летопись» 1865 г. № 13) сказано, что бабушке его, г-же Головиной, инокиня Досифея, в минуту откровенности, взяв с нее предварительно клятву, что она до смерти ее никому не расскажет, что услышит, сказала следующее: «Это было давно: была одна девица, дочь очень, очень знатных родителей, и воспитывалась она далеко за морем, в теплой стороне, образование получила блестящее, жила она в роскоши и почете, окруженная большим штатом прислуги. Один раз у нее были гости и в числе их один русский генерал, очень известный в то время; генерал этот и предложил покататься в шлюпке по взморью; поехали с музыкой, с песнями; а как вышли в море – там стоял наготове русский корабль. Генерал и говорит ей: «Не угодно ли вам посмотреть на устройство корабля?» Она согласилась, взошла на корабль, – а как

нию Екатерины II в Ивановский монастырь, который, по указу императрицы Елизаветы Петровны от 20 июня 1761 года, предназначен был для призрения «вдов и сирот знатных и заслуженных людей». Принцесса Августа была здесь пострижена и получила монашеское имя Досифеи. Во все время двадцатипятилетнего пребывания своего в этом монастыре она жила в одноэтажных каменных кельях, примыкавших к восточной части монастырской ограды близ покоев игуменьи²⁰. Все ее помещение, говорит г. Снегирев²¹, составляли

только взошла, ее уж силой отвели в каюту, заперли и приставили к ней часовых... Через несколько времени нашлись добрые люди, сжалились над несчастною – дали ей свободу и распустили слух, что она утонула... Много было труда ей укрываться... Чтобы как-нибудь не узнали ее, она испортила лицо свое, натирая его луком до того, что оно распухло и разболелось, так что не осталось и следа от ее красоты; одета она была в рубище и питалась милостыней, которую выпрашивала на церковных папертях; наконец, пошла она к одной игуменье, женщине благочестивой, открылась ей, и та из сострадания приютила ее у себя в монастыре, рискуя сама подпасть за это под ответственность». Сделавшиеся ныне известными сведения, извлеченные из архивов, совершенно лишают этот рассказ вероятия. Ясно, что в рассказе г-жи Головиной разумеется не княжна Тараканова, а самозванка, называвшая себя принцессой Владимирской, взятая на Ливорнском рейде графом Алексеем Орловым и умершая в Петропавловской крепости. Трудно допустить, чтобы Досифея рассказывала о себе так, как передано это г. Самгиным.

²⁰ Сгоревший во время нашествия Наполеона Ивановский монастырь был после того упразднен, церковь обращена в приходскую, а в кельях помещались чиновники и рабочие Синодальной типографии. По ходатайству высокопреосвященного Филарета, митрополита Московского, в 1859 году государь император разрешил восстановить Ивановский монастырь. Некоторые старые здания при этом случае были сломаны, в том числе и кельи, где жила Тараканова.

²¹ «Русские достопамятности», изд. А. А. Мартыновым, V, 15.

две уютные комнаты под сводами и прихожая для келейницы; их нагревала изразчатая печь с лежанкой; окна были обращены на монастырь. На содержание ее отпускалась игуменье из казначейства особенная сумма, и Досифея, никогда не бывая в общей трапезе, имела особый стол, обильный и изысканный. Иногда на ее имя присылаемы были к игуменье значительные суммы от неизвестных лиц; эти деньги Досифея употребляла преимущественно на украшение монастырских церквей, на пособия бедным и раздавала нищим. Кроме игуменьи, духовника, причетника и московского купца Филиппа Никифоровича Шепелева²², торговавшего чаем и сахаром на Варварке, Досифея ни с кем не видалась. Г-жа Головина рассказывала, что по смерти Екатерины II Досифею стали посещать некоторые известные лица; так, например, митрополит Платон приезжал поздравлять ее по большим праздникам, и даже одно лицо из императорской фамилии посетило ее келью и долго беседовало с затворницей. Несмотря на то, Досифея до самой смерти не была спокойна и при всяком шорохе, при каждом стуке в дверь бледнела и тряслась всем телом. У нее был портрет императрицы Елизаветы Петровны и какие-то бумаги, которые она после долгого колебания – сожгла²³. В церковь она ходила очень редко и то в сопровождении приставленной к ней монахи-

²² Не родственник ли Мавре Егоровне Шепелевой, наперснице императрицы Елизаветы Петровны?

²³ «Современная летопись» 1865 г. № 13.

ни. Коридор и крытая деревянная лестница от ее келий вели прямо в церковь, устроенную под святыми воротами. Там духовник с причетниками совершал богослужение для нее одной, и в это время церковные двери запирались, чтобы не мог зайти кто-либо из посторонних и увидеть таинственную монахиню. К окнам ее келий, всегда задернутым занавесками, иногда подходили любопытные, но монастырский служитель тотчас отгонял их. Рассказывают, будто граф Алексей Григорьевич Орлов-Чесменский, доживавший свой век в Москве, никогда не ездил мимо Ивановского монастыря, и если нужно было ехать мимо, всегда делал крюк. Может быть, он и сам не знал о судьбе взятой им в Ливорне обманом самозванки Таракановой и думал, что таинственная заточенница Ивановского монастыря и красавица, называвшаяся в Италии дочерью императрицы Елизаветы, одно и то же лицо. Все время своего пребывания в Ивановском монастыре Досифея посвящала молитве, чтению душеспасительных книг и рукоделию; вырученные от работ деньги раздавала нищим через свою келейницу. Последние годы она провела в безмолвии и считалась праведною. Она была среднего роста, худощава и чрезвычайно стройна; несмотря на долговременное заключение и старость, она сохраняла на лице остатки редкой красоты. Судя по портрету, она была похожа на Елизавету Петровну. Старый причетник, недавно умерший, сказывал (по словам г. Снегирева), что он видал каких-то важных особ, допущенных игуменьей к Досифее; с ними гово-

рила она на иностранном языке. Имени ее в клировых монастырских ведомостях нет.

Досифея скончалась 64 лет от роду 4 февраля 1810 года, как сказано в надписи на надгробном ее памятнике, или в 1808 году, как сказано на обороте ее портрета. Первое указание вернее. Когда Досифея умерла, на пышные ее похороны явился в полном мундире и в Андреевской ленте тогдашний главнокомандующий Москвы граф Иван Васильевич Гудович, женатый на графине Прасковье Кирилловне Разумовской, которая приходилась двоюродною сестрой усопшей. Сенаторы, члены опекунского совета и доживавшие свой век в Москве вельможи старого времени явились на похороны также в мундирах. За болезнью престарелого митрополита Платона отпевал Досифею vikарий его, дмитровский епископ Августин, в сослужении с старшим московским духовенством. Стечение народа на похоронах было необыкновенное. Досифею похоронили не в том монастыре, где она жила, и не на общем кладбище, а в монастыре Новоспасском, в усыпальнице рода бояр Романовых, где в XVII столетии погребались родственники царственного дома. Ее могила находится у восточной ограды, по левую сторону монастырской колокольни, под № 122. На диком надгробном ее камне находится следующая надпись: «Под сим камнем положено тело усопшей о Господе монахини Досифеи, обители Ивановского монастыря, подвизавшейся о Христе Иисусе в монашестве двадцать пять лет, а скончавшейся февраля 4-

го 1810 года. Всего ее жития было шестьдесят четыре года. Боже, всели ее в вечных Твоих обителях!»

Монахиня Досифея, как рассказывают, была кроткого нрава и безропотно подчинялась своей участи. Говорят, она имела свидание с Екатериной и беспрекословно согласилась удалиться от света в таинственное уединение, чтобы не сделаться орудием в руках честолюбцев и не быть невинною виновницей государственных потрясений. Между ею и самозванкой, что была орудием поляков и кончила многомятежную жизнь в Алексеевском равелине Петропавловской крепости, как уже сказали мы выше, общего нет ничего.

Сказав все, что известно доселе об истинной Таракановой, обращаемся к ловкой авантюристке, называвшейся дочерью императрицы Елизаветы и сделавшейся орудием в руках пресловутого князя Карла Радзивила.

VI

Когда, по воле Екатерины II, Станислав Понятовский вступил на древний престол Пястов, враждебная нам в Польше и поддерживаемая Францией партия, во главе которой стоял коронный великий гетман граф Браницкий, обратилась с просьбой о помощи к Версальскому кабинету. Герцог Шуазель, первый министр Людовика XV, заботясь о восстановлении прежнего влияния Франции на дела северных государств, рад был такому обстоятельству и не замедлил им воспользоваться.

Образовалась Барская конфедерация, враждебная королю Станиславу и поддерживавшей его России. Франция посылала конфедератам довольно значительные денежные пособия и, кроме того, искусных офицеров для распоряжений военными действиями, а чтобы отклонить Екатерину II от вооруженного вмешательства в дела Польши, склонила султана Мустафу III объявить России войну. Война началась, но для турок была несчастна. Победы Румянцева при Ларге и Кагуле, истребление графом Орловым турецкого флота при Чесме, блистательные действия князя Репнина, овладевшего Измаилом, Килеєю и Аккерманом, занятие русскими войсками Молдавии, Валахии и Крыма сильно потрясли Порту: подвластные ей славяне, греки и закавказские христиане восстали, чтобы, пользуясь удобным случаем, свергнуть ту-

рецкое иго; египетский паша Али-бей также поднял оружие против султана. Между тем кровопролитные междоусобия в Польше продолжались и совершенно ее обессилили. Барские конфедераты несколько раз были разбиты русскими, и будущий известный французский генерал Дюмурье, присланный на помощь противникам Станислава Понятовского, пораженный Суворовым, ушел из Польши. Австрия с беспокойством взирала на торжество русских, особенно на занятие ими Молдавии и Валахии. Опасаясь за нарушение европейского равновесия, она предложила прусскому королю вооруженное посредничество для примирения России с Турцией. Фридрих II согласился, тем более что и сам неравнодушно смотрел на успехи Екатерины. Императрица сама была не прочь от мира, но потребовала от султана независимости крымских татар, свободного плавания русским кораблям по Черному морю и Архипелагу и присоединения к России Молдавии с Валахией. Это встревожило Австрию; заключив с султаном оборонительный союз, она собрала многочисленную армию для действия против России; война готова была вспыхнуть, но Фридрих II нашел средство отклонить ее. Зная, что Венский кабинет с особенною тревогой смотрит на намерение Екатерины приобрести Молдавию с Валахией, король предложил вознаградить Россию частью польских областей, причем как Австрии, так и самому миротворцу отмежевать из наследия Ягеллонов приличные части. Австрия согласилась, и летом 1772 года последовал «первый раздел

Польши». В то же время открылись мирные переговоры России с Турцией в Фокшанах.

Магнаты и шляхта, составлявшие единственную причину всех злоключений Польского государства, были поражены этой вестью. Не наученные опытом, вздумали они продолжать борьбу с Екатериной II, которую считали единственной виновницей ослабления их отечества. Со множеством подручной шляхты некоторые из магнатов отправились в Западную Европу возбуждать против России тамошние правительства. Но в одной только Франции они имели некоторый успех: польская эмиграция свила в Париже теплое для себя гнездо, существующее, как известно, и в настоящую пору. Потомок русского великого князя Рюрика²⁴ Михаил Казимир Огинский, напольный гетман литовский, посланный Станиславом Понятовским в качестве посланника к Людовiku XV с протестом против намерения трех соседних держав отнять у Польши значительные области, жил в Париже, напрасно вымаливал у Шуазеля деятельной помощи против Екатерины и просил о поддержке султана. Как официальному лицу, королевскому посланнику, Огинскому не приходилось быть в близких и прямых сношениях с противниками

²⁴ Огинские, вместе с князьями Одоевскими, Горчаковыми, Оболенскими, Долгоруковыми, Щербатовыми, Барятинскими, Четвертинскими и Святополк-Мирскими, происходят от князей Черниговских. Сделавшись подданными литовских великих князей, они перестали писаться князьями. До второй половины XVII столетия оставались русскими и православными, а с этого времени приняли католицизм и ополячились.

своего государя – конфедератами, но в тайных сношениях с ними он находился ради одной цели – вреда России. Богатейшим из эмигрантов был князь Радзивил, живший преимущественно в Прирейнском крае и приезжавший иногда в Париж. С ним посол Станислава Понятовского находился в тайных сношениях.

Между тем на востоке России в 1771 году возник так называемый «Яикский бунт». Яикские (ныне уральские) казаки, недовольные нововведениями в их внутреннем управлении, восстали открыто, но были усмирены вооруженной силой. Возмущение было подавлено, но недовольство казаков еще более усилилось. Они представляли самую удобную почву для внутренних замешательств, которые могли грозить серьезною опасностью государству. Замешательства не замедлили обнаружиться: летом 1773 года явился Пугачев.

Пугачевский бунт – явление доселе еще не разъясненное вполне и со всех сторон. Дело о пугачевском бунте, которого не показали Пушкину, до сих пор запечатано, и никто еще из исследователей русской истории вполне им не пользовался²⁵. Пугачевский бунт был не просто мужицкий бунт, и руководителями его были не донской казак Зимовейской станицы с его пьяными и кровожадными сообщниками. Мы не знаем, насколько в этом деле принимали участия поляки, но не

²⁵ Некоторые части дела о Пугачеве, по ходатайству графа Перовского, были открыты покойному Надеждину, когда он писал свои «Исследования о скопческой ереси», начальник которой, Кондратий Селиванов, современник Пугачева, также называл себя императором Петром III.

можем и отрицать, чтоб они были совершенно непричастны этому делу. В шайках Пугачева было несколько людей, подвизавшихся до того в Барской конфедерации.

Враждебники России и Екатерины, кто бы они ни были, устроив дела самозванца на востоке России, не замедлили поставить и самозванку, которая, по замыслам их, должна была одновременно с Пугачевым явиться среди русских войск, действовавших против турок, и возмутить их против императрицы Екатерины. Это дело – бесспорно польское дело. Князю Радзивилу, или, вернее сказать, его приближенным, ибо у самого «пане коханку» едва ли бы достало на то смысла, пришла затейная мысль: выпустить из Западной Европы на Екатерину еще самозваного претендента на русский престол. Но под чьим же именем его выпустить на свет? Под именем Петра III уже явился Пугачев, и, кроме его, в восточной части России уже прежде того являлось несколько Петров. Императора Ивана Антоновича, незадолго перед тем убитого в Шлиссельбурге, выставить было нельзя, ибо всем было известно, что этот несчастный государь, в одиночном с самого младенчества заключении, сделался совершенным идиотом, неспособным ни к какой деятельности; притом же история покушения Мировича и гибели Ивана Антоновича была хорошо всем известна и свежа в памяти. Оставались дети Елизаветы Петровны. Правда, они никогда не были объявлены, но об их существовании знали, хотя и не знали, где они находятся. Тайнственность, которую были

окружены Таракановы, неизвестность об их участии и местопребывании немало способствовали успеху задумавших выставить на политическую арену нового претендента на престол, занимаемый Екатериной.

По известию, сообщаемому Кастерой²⁶, князь Карл Радзивил, палатин виленский, еще в 1767 году взял на свое попечение дочь Елизаветы Петровны, то есть отыскал где-то девочку, способную разыграть роль самозванки. В самом начале Барской конфедерации Радзивил удалился за границу. Трудно определить, кто именно была эта девочка. Одни считали ее дочерью султана, другие приписывали ей знатное польское происхождение, третьи полагали, что родители ее неизвестны, но что она должна была в Петербурге выйти замуж за внука принца Георга Голштинского. Впоследствии, когда она была уже привезена в Петропавловскую крепость и фельдмаршалом князем Голицыным производилось о ней следствие, английский посланник сказывал в Москве Екатерине, что она родом из Праги, дочь тамошнего трактирщика, а консул английский в Ливорно, сэр Дик, помогший графу Орлову-Чесменскому взять самозванку, уверял, что она дочь нюрнбергского булочника. Трудно теперь решить, которое из этих указаний более справедливо и согласно ли которое-нибудь с истиной, но, принимая в соображение замечательное образование загадочной женщины, ее ловкость в политической интриге, ее короткое знакомство с дипломатиче-

²⁶ «Histoire de Catherine II», том II, стр. 80.

скими тайнами кабинетов, ее умение держать себя не только в среде лиц высокопоставленных, но даже в кругу владельцев немецких государей, трудно поверить, чтоб она воспитывалась в трактире или булочной. Нельзя не согласиться с составителем «Записки», напечатанной в «Чтениях»: «едва ли удастся когда-либо открыть, кто и откуда была самозванка, выдававшая себя за дочь императрицы Елизаветы Петровны». Но кто бы ни была эта загадочная женщина, она была созданием польской партии, враждебной королю Понятовскому, а тем более еще императрице Екатерине.

Поляки – большие мастера готовить самозванцев; при этом они умеют так искусно хоронить концы, что ни современники, ни потомство не в состоянии сказать решительное слово об их происхождении. Более двух с половиной веков тому назад впустили они в Россию Лжедмитрия и даже не одного, но до сих пор никто из историков не может с положительною уверенностью сказать: кто такой был самозванец, известный у нас под именем Гришки Отрепьева, и кто был преемник его, вор Тушинский. То же самое и в деле самозванки – дочери Елизаветы Петровны. Но как несомненно участие отцов иезуитов в подготовке Лжедмитрия, так вероятно и участие их в подготовке самозванки, подставленной князем Радзивилом. Самому Карлу Радзивилу, без помощи столь искусных пособников, едва ли бы удалось выдумать «принцессу Владимирскую». Этот человек, обладавший несметными богатствами, отличавшийся свои-

ми эксцентричными выходками, гордый, тщеславный, идол кормившейся вокруг него шляхты, был очень недалек. Его ума не хватило бы на подготовку самозванки, если бы не помогли ему люди, более на то искусные. Он только сыпал деньгами, пока они у него были, и разыгрывал в Венеции и Рагузе перед публикой комедии, обращаясь с подставною принцессой как с действительною дочерью императрицы всероссийской.

Кто бы ни была девушка, выпущенная Радзивилом на политическую сцену, но, рассматривая все ее действия, читая переписку ее и показания, данные фельдмаршалу князю Голицыну в Петропавловской крепости, невольно приходишь к заключению, что не сама она вздумала сделаться самозванкой, но была вовлечена в обман и сама отчасти верила в загадочное свое происхождение. Поляки так искусно сумели опутать молоденькую девочку сетью лжи и обмана, что впоследствии она сама не могла отдать себе отчета в том, кто она такая. На краю могилы, желая примириться с совестью, призвав духовника, она сказала ему, что о месте своего рождения и о родителях она ничего не знает.

«Я помню только, – говорила она в последнем своем предсмертном показании князю Голицыну, – что старая нянька моя, Катерина, уверяла меня, что о происхождении моем знают учитель арифметики Шмидт и маршал лорд Кейт, брат которого прежде находился в русской службе и воевал против турок. Этого Кейта я видела только однажды, мельком,

проездом через Швейцарию, куда меня в детстве возили на короткое время из Киля. От него я получила тогда и паспорт на обратный путь. Я помню, что Кейт держал у себя турчанку, присланную ему братом из Очакова или с Кавказа. Эта турчанка воспитывала несколько маленьких девочек, вместе с нею плененных, которые жили при ней еще в то время, когда, по смерти Кейта, я видела ее проездом через Берлин. Хотя я наверное знаю, что я не из числа этих девочек, но легко может быть, что я родилась в Черкесии». Кроме того, она объяснила, что еще в детстве жила в Киле, что из тамошних жителей помнит какого-то барона фон-Штерна и его жену, данцигского купца Шумана, платившего в Киле за ее содержание, и наконец учившего ее арифметике Шмидта. «Меня постоянно держали в неизвестности о том, кто были мои родители, – говорила она перед смертью князю Голицыну, – да и сама я мало заботилась о том, чтоб узнать, чья я дочь, потому что не ожидала от того никакой себе пользы».

Из бумаг, находившихся при ней в Ливорно и взятых графом Орловым-Чесменским, видно, что после Киля жила она в Берлине, потом в Генте и наконец в Лондоне; что сначала она известна была под именем девицы Франк, потом девицы Шель, потом г-жи Тремуйль.

Получив, как видно, хорошее воспитание, она знала языки французский и немецкий, говорила несколько по-итальянски и по-английски; по-русски и по-польски не знала.

Обладая редкою красотой²⁷, она была умна, всегда весела, любезна, кокетлива и владела необыкновенною способностью сводить с ума каждого мужчину и делать его покорным своим поклонником. И в самом деле, в продолжение трех-четырёх лет ее походов по Европе, одни, очарованные красотой ее, входят из угождения красавице в неоплатные долги и попадают за то в тюрьму, другие, принадлежа к хорошим фамилиям, поступают к ней в услужение; сорокалетний князь Римской империи хочет на ней жениться, вопреки всем политическим расчетам, и хотя узнает об ее неверности, однако же намеревается бросить германские свои владения и бежать с прекрасною очаровательницей в Персию. Она любила хорошо пожить, любила роскошь, удовольствия и не отличалась строгостью нравов. Увлекая в свои сети и молодых и пожилых людей, красавица не отвечала им суровостью; она даже имела в одно время по несколько любовников, которых, по-видимому, не очень печалила ветреность их подруги.

²⁷ Она косила на один глаз, но этот недостаток не уменьшал ее замечательной красоты.

VII

Что делала девица Франк в Берлине – неизвестно. Известно только, что здесь случилась с ней какая-то неприятная история, заставившая ее уехать в Гент и даже переменить имя. В Генте жила она под именем девицы Шель и познакомилась с сыном голландского купца Вантурсом (van Toers). Вантурс влюбился в нее, и девица Шель отвечала ему взаимностью. На роскошную жизнь ее не доставало денег, получаемых из таинственного источника, от имени какого-то персидского дяди (по всей вероятности, это были польские или иезуитские деньги). Влюбившийся Вантурс, пользуясь кредитом во многих торговых домах Гента, набрал значительные суммы, а прекрасная подруга его безрасчетно их истратила. Дело кончилось тем, что кредиторы подали векселя на Вантурса ко взысканию, и ему стали грозить банкротство и тюрьма. Бросив жену и кредиторов, Вантурс бежал с своею возлюбленной в Лондон. Здесь она явилась под именем г-жи Тремуиль. Это было в 1771 году. В Лондоне г-жа Тремуиль жила по обыкновению роскошно, а Вантурс должен был искать новых кредиторов, делать новые долги для удовлетворения безграничных прихотей своей очаровательницы. Пока еще не узнали об его гентских долгах и о побеге от кредиторов, лондонские капиталисты снабжали его деньгами. Но когда до лондонского торгового круга дошли слухи о поступке

Вантурса, ему перестали верить и хотели начать против него преследование. Узнав об этом, Вантурс немедленно оставил Лондон и весной 1772 года бежал в Париж, где явился под вымышленным именем барона Эмбса. Положение оставленной им подруги было крайне неприятно, но она скоро нашла случай утешиться. Влюбился в нее некто, называвшийся бароном Шенком. Она сблизилась с ним и еще целые три месяца после побега Вантурса прожила в Лондоне с прежнею роскошью на деньги, добываемые новым любовником. Через три месяца и Шенку стали грозить кредиторы, но он заблаговременно успел с своею подругой уехать в Париж.

В Париже в это время, как мы уже сказали, жил посланник польского короля, Михаил Казимир Огинский, хлопотавший вокруг короля Людовика XV о деятельной помощи Франции в пользу Барских конфедератов и о подкреплении султана, доведенного победами екатерининских полководцев до крайности. Тогда же на некоторое время приезжал в столицу Франции и князь Радзивил. В то самое время, как Огинский получил известие, что в Петербурге раздел Польши решен, а в Фокшаны послан граф Григорий Орлов для ведения с турками мирных переговоров, в Париже явилась г-жа Тремуйль, сопровождаемая бароном Шенком. К ней присоединился и Вантурс, или, как теперь называли его, барон Эмбс. По приезде в Париж г-жа Тремуйль имела свидание с Огинским. Что они говорили между собой, не знаем, но известно, что женщина, жившая в разных городах Европы

под разными именами и выдававшая себя то за немку, то за француженку, теперь, в Париже, стала выдавать себя за русскую и сделалась известною под именем «принцессы Владимирской» (*princesse de Volodimir*). Но за дочь императрицы Елизаветы Петровны она в это время себя еще не выдавала. Звали ее обыкновенно Алиною или Али-Эмете и признавали за единственную отрасль знаменитого происхождением и богатствами какого-то русского рода князей Владимирских. Лишившись в младенчестве родителей, которых никогда не знала, она будто бы была воспитана своим дядей в Персии и, достигнув совершеннолетия, приехала в Европу отыскивать свое наследство, находящееся в России. Ее персидский дядя обладает несметными сокровищами, и эти сокровища к ней же должны перейти по наследству. Так рассказывала про себя принцесса в Париже. Нелепость этой сказки, имеющей следы польского происхождения, была бы очевидна для всякого русского, знающего, что никаких князей Владимирских с XIV столетия не бывало, но во Франции, где об России, ее истории и внутренней жизни знали не больше, как о каком-нибудь персидском или другом азиатском государстве, слухи о Владимирской принцессе не могли казаться нелепыми, особенно если их поддерживали если не сам польский посланник, Михаил Огинский, то такие польские знаменитости, как, например, княгиня Сангушко. Кому же, по мнению парижского общества, как не ближайшим соседям России, полякам, лучше и знать о тамошних обстоятельствах?

VIII

Беззаботно и весело, утопая в блеске и роскоши, Али-Эмете провела в Париже зиму 1772 года. Присылались ли к ней в это время мнимоперсидские деньги, не знаем, но, в надежде на азиатские ее сокровища, парижские капиталисты вверили ей значительные суммы. Самыми ближними к ней людьми были в это время бароны Шенк и Эмбс; через них-то она и доставала деньги; они занимали их или на свое имя, или за своим поручительством. Эти бароны познакомились с богатым купцом Понсе и еще с каким-то Макке, которые и доставляли им деньги на житье в Париже принцессы Владимирской. Она жила открыто, пользовалась всеми удовольствиями Парижа, свела знакомства с разными лицами тамошнего высшего общества и заставила о себе говорить, чего, как известно, не легко достигнуть в столице роскоши и моды. В числе новых знакомых принцессы Алины был некто маркиз де-Марин, тип старого развратника, столь обыкновенный при дворе Людовика XV. Он до того был очарован прелестями и быстрым, увлекательным умом Алины, что пожертвовал для нее и своими связями, и состоянием, и положением при Версальском дворе и в обществе. Он сделался таким покорным рабом ее, что, не задумавшись, покинул Францию, чтобы в ничтожном немецком городишке исправлять должность ее интенданта. Трудно поверить, чтобы

де-Марин не искренно верил в действительность происхождения этой женщины от Владимирских государей и в существование персидских ее богатств, иначе вряд ли он дошел бы до такого унижения. Правда, Алина отвечала на любовь старого селадона, но ему ли, имевшему столь много успехов у дам высшего французского общества, можно было жертвовать всем своим положением ради прелестей какой-то искальницы приключений, если б он знал, что она происходит не из московитского рода Владимирских князей, а из пражского трактира или нюрнбергской булочной? И не один де-Марин был в таком положении. Принадлежавший к одной из знаменитейших фамилий Франции, граф Рошфорде-Валькур, гофмаршал владетельного князя Лимбурга (из фамилии Линанж), находившийся тогда в Париже по делам своего государя, познакомившись с Алиной, до того прельстился ею, что просил руки ее. Алина приняла предложение графа; брак был назначен в Германии тотчас по получении женихом согласия от своего государя, но, чтобы не томить жениха долгим ожиданием, прекрасная принцесса вступила с ним в супружеские отношения. Наконец сам Михаил Огинский не мог устоять пред красотой очаровательной принцессы, она и его запутала в свои сети²⁸.

²⁸ В мае 1774 года, когда граф Огинский уже расстался с своею очаровательницей, он писал к ней письмо, из которого можно заключать о свойстве их отношений в Париже. «*Quoiqu'a peine je puis me remuer encore, j'aurais, pourtant fait l'impossible pour vous voir, sans l'accident nouveau de la maladie du roi (французского) il m'await bien doux de vous embrasser. Combien de fois ne sedit-on pas par*

Таким образом, в веселом обществе пяти любовников, и в том числе одного жениха, Алина Владимирская проводила дни свои в Париже. Мотовству ее не было границ, а персидский дядя денег не присылал. В начале 1773 года средства красавицы истощились, Вантурс, или барон Эмбс, попал в тюрьму за долги, барону Шенку грозила такая же участь от кредиторов. Алина попросила займы у Огинского, но официальное положение его как польского посланника при французском короле не позволило ему исполнить желание обворожившей его женщины. Он, под разными предлогами, отказал ей. Ничего больше не оставалось Алине, как еще раз, в четвертый раз, бежать от заимодавцев.

Де-Марин поручился за мнимого барона Эмбса, и Вантурс был выпущен из тюрьмы. Вместе с ним, с де-Марином и с бароном Шенком принцесса переехала в одну из деревень в окрестностях Парижа. Странный переезд на дачу задолго до наступления весны, кажется, не обратил на себя ничьего особенного внимания, но парижские кредиторы немало были изумлены, когда узнали, что прекрасная Алина с сво-

jour qu'on ne fait jamais ce que l'on desire avec le plus grand empressement; il suffit de desirer quelque bien avec ardeur, pour qu'il n'arrive pas». (Хотя я едва могу двигаться, я сделал бы все возможное, чтобы свидеться с вами, чтобы нежно обнять вас, если бы не новый приступ болезни короля. Сколько раз на дню говоришь себе: то, чего страстно желаешь, никогда не исполняется; достаточно горячо пожелать чего-нибудь хорошего, чтобы оно не сбылось». – *Пер. ред.*). Многочисленные записки Огинского к самозванке, говорит составитель «Записки», напечатанной в «Чтениях», исполнены любезности и живого участия и даже не лишены некоторого доверия к ее рассказам о баснословном богатстве персидского дяди.

ими друзьями внезапно скрылась из окрестностей Парижа и очутилась во Франкфурте-на-Майне. Неожиданный отъезд ее поразил и Огинского, хотя она и уверяла его, что важные дела требуют немедленно отъезда ее в Германию²⁹.

Франкфурт встретил принцессу Владимирскую не совсем гостеприимно. Парижские кредиторы не дремали. Как скоро Алина с друзьями своими поселилась в одной из тамошних гостиниц, заимодавец Макке явился там же. Он представил франкфуртскому магистрату долговые обязательства барона Эмбса, и Вантурс опять попал в тюрьму, причем даже было употреблено насилие. Вслед за тем, по жалобе другого кредитора, Понсе, франкфуртский магистрат хотел арестовать и де-Марина. Хозяин гостиницы, в которой остановилась принцесса с своими спутниками, во избежание дальнейших скандалов, выгнал из дому приезжих. Алина требовала от магистрата удовлетворения, грозила вмешательством в это дело России и показывала черновые письма свои к русским посланникам при венском и берлинском дворах. Но магистрат не испугался. Вантурс остался в тюрьме, и положение принцессы Владимирской сделалось крайне затруднительным; на счастье ее, во Франкфурт приехал в это время

²⁹ На прощанье Алина выпросила у литовского напольного гетмана, имевшего право производить в офицерские чины служивших в литовском войске, бланковый патент на капитанский чин, не говоря, кому она его предназначает. Алина вписала в патент имя барона Эмбса, и с этого времени Вантурс, гентский беглец, не имевший дотоле паспорта и никакого удостоверения в подлинности принятого им на себя звания, сделался литовским капитаном, бароном Эмбсом.

владельческий князь Лимбургский в сопровождении жениха ее, графа Рошфор-де-Валькура.

Филипп-Фердинанд, владельческий граф Лимбургский, Стирумский, Оберштейнский и проч., князь Священной Римской империи, претендент на герцогство Шлезвиг-Гольштейнское, незадолго перед тем наследовал престол по смерти старшего брата. Он был уже пожилой холостяк – 42 лет от роду. Человек был образованный, как и подобало имперскому князю, но до крайности слабодушный. Был страшный поклонник женской красоты и легко отдавался под безграничное влияние любимой особы. Жил князь Лимбург, как и все мелкие имперские князья того времени: имел свой двор с гофмаршалом, гофмейстером, камергерами, егермейстерами и прочими придворными чинами, имел свое миниатюрное войско, держал своих поверенных при венском и версальском дворах с громким названием «посланников», имел свои ордена, которые раздавал щедро, ибо пошлины за пожалование ими составляли не последнюю статью в бюджете его доходов, бил свою монету, словом, пользовался всеми правами и преимуществами коронованных особ. В описываемое время князь Лимбург вел тяжбу с прусским королем Фридрихом II за нарушение последним каких-то державных прав его, вел переговоры с курфюрстом Трирским о выкупе прав на Оберштейнское графство, находившееся у них в совместном владении, и объявил себя соперником великого князя Павла Петровича, оспаривая наследственные права

его на Голштейн. Хотя эти владения и не принадлежали князю Лимбургу, тем не менее он титуловался герцогом Шлезвиг-Голштейннским или князем Голштейн-Лимбург.

С своим гофмаршалом, графом Рошфор-де-Валькуром, прибыл этот имперский князь во Франкфурт, где у него велась тяжба с курфирстом Бранденбургским, Фридрихом II. Граф Рошфор, узнав, что невеста его во Франкфурте, немедленно отыскал ее и напомнил о данном слове. Прекрасная Алина обрадовалась жениху, явившемуся как нельзя более кстати, и решила отдать ему руку хоть сейчас же. Счастливый граф просил у своего государя дозволения вступить в брак с принцессой Владимирской и поместить ее в одном из замков князя, чтоб укрыть от преследования заимодавцев, не дававших ей покоя. При этом граф Рошфор рассказал о странной судьбе своей невесты, об ее персидском дяде и о громадных сокровищах, принадлежащих ей в Азии. Все это чрезвычайно заинтересовало князя Лимбурга, и он не только разрешил своему гофмаршалу жениться на ней, но даже просил представить его принцессе. С восторгом приняла Алина желание имперского князя и с первого же свидания до того успела обворожить его красотой, умом и кокетливою любезностью, что Лимбург тут же предложил устроить денежные дела ее во Франкфурте. Несмотря на предостережения банкира Алленца, не советовавшего князю бросать деньги на ветер, он немедленно снабдил прекрасную принцессу значительною суммой денег на уплату франкфуртских

долгов и предложил скорей переселиться в его владения, где она будет совершенно безопасна от всевозможных неприятностей и проживет в довольстве и роскоши столько времени, сколько ей заблагорассудится. Алина не заставила долго просить себя и тотчас же приняла любезное предложение по уши влюбившегося в нее князя Лимбурга. Угодливостям его не было конца: тотчас же написал он посланнику своему в Париже де-Буру, чтобы тот уладил как-нибудь дела принцессы с кредиторами. Де-Бур уговорил Понсе на отсрочку уплаты денег, а другому кредитору, Макке, князь пожаловал орден, за что и тот согласился на отсрочку.

Алина совершенно завлекла в свои сети простодушного князя Лимбургского. Во Франкфурте он сделался ежедневным ее гостем, выезжал только с нею и был почти от нее неотлучен. Графу Рошфору, конечно, не нравилось, что его повелитель отбивает у него невесту, он стал немножко ревновать, но Алина переменяла свое обхождение с ним, сделалась холодна, показывала жениху видимое равнодушие и в начале июня 1773 года уехала с князем Филиппом в принадлежавший ему замок Нейсес, находившийся во Франконии. Дорогой она отдалась ему. Граф Рошфор-де-Валькур не хотел, кажется, уступать своих прав на очаровательную принцессу, но, спустя несколько дней по прибытии любящейся четы в Нейсес, был заключен своим соперником в тюрьму как государственный преступник и содержался в ней несколько месяцев, до тех пор пока Алина не оставила и князя Лимбурга,

и Германию.

IX

В Нейсесе Алина начала прежнюю роскошную и блестящую жизнь, которую, к крайней досаде, принуждена была оставить во Франкфурте. Все доходы влюбленного князя были к ее услугам. Здесь она стала называться султаншей – *la sultane Aline*, а также Элеонорой. Это обстоятельство послужило, вероятно, поводом к возникшим впоследствии толкам, будто она дочь турецкого султана. Звали ее также «принцессой Азовской». В это время она учредила даже свой орден азиатского креста, может быть, с целью также, как и пламенный ее обожатель, иметь посредством раздачи его новую статью дохода³⁰. Алина в Нейсесе устроила и свой двор. Одного из бывших своих любовников, де-Марина, назначила интендантом этого двора, выжидая первого благоприятного случая, чтобы удалить его из владений нового своего обожателя. Другого покинутого друга, барона Шенка, Алина назначила своим поверенным во Франкфурте, а Вантурса не позаботилась выручить из франкфуртской тюрьмы. Отдалив таким образом от себя прежних фа-

³⁰ В 1858 году, по случаю известного дела о торговле орденами, в Париже были между прочим конфискованы дипломы на орден азиатского креста. Он назывался «*La croix de l'ordre Asiatique, fonde par la Sultane Aline*». Тогда же были конфискованы дипломы и на орден князя Лимбургского: орден Голштейн-Лимбургского Льва и соединенные орден четырех императоров и древнего дворянства. *In dependence Beige*», 1858, octobre 9.

воритов, принцесса или султанша поставила себя в такое положение, что обвороженному ее прелестями князю Лимбургу, на первое, по крайней мере, время, вовсе были неизвестны похождения ее в Генте, Лондоне и Париже, и ничто не могло навести его на мысль, что обворожительная султанша, несмотря на свою молодость, уже несколько раз переходила из объятий одного обожателя в объятия другого.

В Нейсесе влюбленный князь с очаровательною султаншею прожили около месяца, предаваясь удовольствиям взаимной пламенной любви. Время летело незаметно для удивившихся беззаботных любовников.

Шутя называли они себя Телемаком и нимфою Калипсо, хотя имя юного сына Улисса и не совсем шло сорокадвухлетнему князю Лимбургу. Недоставало в Нейсесе Ментора, но и он не замедлил явиться, если не в лице богини Минервы, то в лице барона фон-Горнштейна, служившего конференц-министром у Трирского курфюрста. Горнштейн приехал в Нейсес по приглашению князя, находившегося с ним в самых коротких, дружеских отношениях. Алина была так прелестна, так привлекательна, что не было мужчины, который бы, узнав ее, не влюбился и не сделался ее поклонником. Фон-Горнштейн не избег общей участи. С первого же свидания с Алиной он был очарован ею и, кажется, хотел сделаться соперником своего друга, по крайней мере, стал делать ей подарки, присылать ноты, но Алина, имея уже особые виды на ослепленного князя Лимбурга, была с Горнштейном лю-

безна, кокетничала с ним, но не допускала его до более интимных отношений. По обязанностям службы, Горштейн не мог долго оставаться в Нейсесе, и влюбленный Ментор с тревогой в душе принужден был покинуть очаровательную Калипсо, – но потом нередко оставлял резиденцию курфюрста, Кобленц, чтобы хоть несколько часов провести в обществе очаровательницы.

Горштейн был уверен в действительности персидских сокровищ Алины. Да и как было не поверить, когда она в самом деле получала откуда-то большие деньги и, живя в Нейсесе, достала значительную сумму, которую предложила гостеприимному своему хозяину на приобретение у Трирского курфюрста прав на графство Оберштейн и на выкуп заложенного графства Стирум. Выкуп курфюрстских прав на Оберштейн на счет Алины казался делом весьма выгодным и для князя Лимбургского, и для самого курфюрста. Горштейн горячо принялся за это дело, а Алина деятельно следила за ним, рассчитывая, что влюбленный князь, выкупив Оберштейн, подарит это владение ей, что и случилось впоследствии. Для увеличения денежных средств, ибо денег, занятых Алиною, было недостаточно на выкуп оберштейнских прав и Стирума и для продолжения роскошной жизни милой принцессы, мотовство которой не имело границ, князь Лимбург вздумал, быть может, по ее же внушению, продать принадлежавшие ему лены в Лотарингии французской короне. Де-Бур вел об этом переговоры в Париже, а для помощи ему

Алина послала туда же своего интенданта де-Марина и таким образом отделалась от присутствия и последнего, оставшегося еще у ней на глазах прежнего обожателя.

По делу о выкупе прав на Оберштейн князь стал нередко ездить в Кобленц для переговоров с курфирстом. Эти отлучки из Нейсеса не очень нравились Алине; она боялась, что очарованный князь охладет к ней, если часто будет покидать ее. Чтобы привязать его к себе покрепче, она разыграла с ним следующую сцену. Однажды, возвратясь из Кобленца, князь Лимбург нашел свою возлюбленную грустной и чем-то крайне озабоченною. Неохотно отвечая на его ласки, она объявила со слезами, что настало время их разлуки. Князь был сильно поражен таким неожиданным известием и спросил о причине. «Я получила от дяди письмо, он требует возвращения моего в Персию». Лимбург стал было уговаривать принцессу остаться, но она решительно отвечала, что должна ехать. «Я не могу долее оставаться в неопределенном положении, я должна ехать, – говорила она. – В Персии я пристроюсь, там ждет меня жених».

Князь Лимбург с ума сходил, пораженный известием о внезапной разлуке с милою женщиной, которую любил искренно. Никакие убеждения его, однако, не могли поколебать решимости Алины. Она просила барона фон-Горнштейна достать ей как можно скорее денег на поездку, обещая как эти деньги, так и нужные на уплату ее долгов, выслать немедленно по прибытии в Персию. Пока Горнштейн

искал денег, Алина сообщила князю Лимбургу еще одну новость: он будет отцом, она беременна. Тогда князь предложил ей свою руку, считая это своею обязанностью, делом чести. Этого только и ждала Алина, но, как ловкая женщина и опытная кокетка, она не тотчас склонилась на сделанное предложение, как ни хотелось ей сделаться владетельною княгиней Священной Римской империи и герцогиней Голштейн-Лимбургскою. Поблагодарив своего любезного, она скромно объявила, что, при всей беспредельной любви к нему, она не может сделаться его женой, потому что политические дела не позволяют ей мешкать в Европе. Отказ еще более воспламенил влюбленного князя; он сказал ей, что не может расстаться с ней и готов пожертвовать всем, чтобы только быть мужем милой Алины. «Я откажусь от престола в пользу младшего брата, – говорил он, – покину хоть навсегда Европу и в Персии найду свое счастье в твоих объятиях». Алина согласилась. Это было в июле 1773 года.

Барон фон-Горштейн хотя и был не прочь от брака своего друга с прекраснейшею женщиной в мире, но, как и следовало ему в качестве Ментора, советовал ему, прежде чем он сделает решительный шаг, удостовериться в происхождении Алины. Для этого нужно было взглянуть на документы об ее рождении. К этому, как ревностный католик, барон фон-Горштейн прибавил, что супругой католического германского государя необходимо должна быть католичка, и потому Алина должна оставить свою греческую схизму. Алина

выдавала себя за православную, хотя, по собственным словам ее, никогда не приобщалась ни в какой церкви.

До нее дошли слухи о советах Горнштейна, и 7 августа 1773 года она написала к нему письмо из Стирума, куда теперь переселилась из замка Нейсеса. Прося советов у Ментора, как ей действовать в ее странном положении, она между прочим писала следующее: «Вы говорите, что меня принимают за государыню Азова (*princesse d'Azof*), я не государыня, а только владетельница Азова (*dame d'Azof*). Императрица там государыня. Через несколько недель вы прочтете в газетах, что я единственная наследница дома Владимирского (*maison de Volodimir*) и в настоящее время без затруднений могу вступить во владение наследством после покойного отца моего. Владения его были подвергнуты секвестру в 1749 и, находясь под ним двадцать лет, освобождены в 1769 году. Я родилась за четыре года до этого секвестра; в это печальное время умер и отец мой. Четырехлетним ребенком взял меня на свое попечение дядя мой, живущий в Персии, откуда я воротилась в Европу 16 ноября 1768 года». Это было первое известное до сих пор по документам показание загадочной женщины об ее личности. Замечательно, что она не называет в этом письме ни отца своего, ни матери и признает себя подданною русской императрицы. Рассказывать сказку о происхождении от императрицы Елизаветы было еще преждевременно по расчетам польской партии. Замечательно и то, что на этот раз Алина говорит, что родилась в год

рождения настоящей княжны Таракановой (как значится в надгробной ее надписи). Поэтому выходит, что в 1773 году, когда она была у князя Лимбурга, ей было 28 лет. Впоследствии, как увидим, она убавляла себе года.

Горнштейн поверил словам Алины и с этого времени стал адресовать ей письма так: «Ее высочеству светлейшей принцессе Елизавете Владимирской» (*A son Altesse Serenissime, madame la Princesse Elisabeth de Volodimir*).

Весть о предстоящей женитьбе князя Лимбурга на принцессе Владимирской вскоре разнеслась и, достигнув до Парижа, имела благоприятные для невесты последствия. Тамошние кредиторы хотели было преследовать за долги уже самое Алину, но де-Бур и де-Марин сообщили им, что она выходит замуж за владетельного имперского князя, обещали им лимбургские ордена, и кредиторы успокоились. Алина сказала теперь своему жениху, что она получила новое письмо от персидского дяди, в котором он дозволил ей остаться в Европе на неопределенное время.

X

Между тем князь Лимбург уехал в Оберштейн. Дело о выкупе курфирстовых прав на это графство так подвинулось, что князь мог явиться туда уже в качестве единственного владельца. В это время принцесса Владимирская начала переписку с Огинским, все еще жившим в Париже. Она составила проект лотереи и просила его содействия для распространения билетов между французскими банкирами, но Огинский, как официальный посланник польского короля, должен был отказаться от всякого участия в этом деле (28 августа 1773); затем принцесса писала ему о делах Польши, отправила к нему составленную ею записку по польским делам для доставления ее Версальскому кабинету. К сожалению, эта переписка, которая во многом могла бы разъяснить темное, загадочное дело самозванки, – нам неизвестна, хотя, как видно из сообщенных графом В. Н. Паниным в Московское Общество Истории и Древностей сведений, она сохранилась при деле. Князь Лимбург знал о переписке своей невесты с Огинским, не зная ее содержания. Ему пришло в голову, что эта переписка любовного свойства; быть может, в это время уже дошло до его сведения о парижских отношениях Алины к польскому посланнику. Князь стал ревновать ее, а она старалась усиливать это чувство, чтобы заставить Лимбурга поскорее жениться. Но в Оберштейне князь узнал многое из

прежних походов своей подруги, как жила она под разными именами в Берлине, Генте и Лондоне и как участвовала в обманах своих приятелей, выманивавших у разных лиц деньги. Он стал догадываться и о любовных отношениях ее к Шенку и к другим. Алина писала, в свою очередь, князю Лимбургу о дошедших до нее слухах, что его хотят женить на другой, уверяла, что ей также сделано блестящее предложение и что поэтому она освобождает его от данного слова и предлагает разойтись, тем более что нельзя же ей выходить замуж до признания прав ее русским правительством и до получения документов о ее рождении, а этого нельзя получить раньше окончания все еще продолжавшейся войны России с Турцией. В другом письме она писала, что решилась окончательно уволить из службы своей и Шенка и де-Марина и предоставить все имущество свое в распоряжение князя. Для этого она приложила вексель на довольно значительную сумму, который должен был оставаться у князя в виде залога до тех пор, пока обещание о передаче имения не будет ею приведено в исполнение. Она приложила еще черновое письмо к русскому вице-канцлеру, заведовавшему тогда иностранными делами, князю Александру Михайловичу Голицыну, которого называла своим опекуном. В этом письме она сообщала мнимому опекуну о любви своей к князю Лимбургу и о намерении вступить с ним в брак, изъявляла сожаление, что тайна, покрывающая доселе ее происхождение, подает повод ко многим про нее рассказам и что сделан-

ные ею незначительные долги преувеличены с целью иметь возможность поскорее воспользоваться ее сокровищами. В заключение письма она уверяла князя Голицына в неизменности своих чувств, благодарности и привязанности к императрице Екатерине II и в постоянном своем рвении о благе России. При письме приложен был проект о сосредоточении всей азиатской торговли на Кавказе. Алина писала наконец Голицыну, что она готова сама приехать в Петербург для разъяснения этого проекта, если бы в том настояла необходимость.

Подлинного письма к князю Голицыну посылаемо, конечно, не было, но черновое нужно было послать к князю Лимбургскому, чтоб уверить Горнштейна и других его советников в действительности происхождения Алины от Владимирского княжеского дома. Горнштейн на первый раз поверил всему написанному Алиной, но, как человек осторожный, навел справки. Через несколько времени он уведомил своего друга, что весь рассказ о русском опекуне Алины князе Голицыне – чистая ложь. Сам князь не вполне, кажется, верил рассказам своей возлюбленной. В ответных письмах он то уверял ее в пламенной любви, то, сомневаясь в ее рассказах и напоминая прежние скандальные ее похождения, отказывался от ее руки, то грозил поступить в монахи, если она покинет его, то умолял ее откровенно рассказать ему всю истину, за что он простит ей все прошедшее, то просил скорее выслать ему метрическое свидетельство, уверяя, что

связь их лежит тяжелым камнем на его совести, а брак может сделать его совершенно счастливым, но этот брак должен быть совершен не иначе, как по обряду римской церкви, к которой и сама она должна присоединиться. Наконец князь Лимбург просил Алину умерить мотовство, которое довело его до крайности, и советовал подумать об обеспечении будущих детей их.

Обстоятельства князя в то время (осенью 1773 года) находились в неблистательном положении: в Стирум приехал императорский фискал для наложения на это графство запрещения за долги, и хотя Горнштейн успел уладить это дело, но финансовые обстоятельства друга его все более и более запутывались. Несмотря на свою бесхарактерность и на совершенное подчинение воле прелестной Алины, князь Лимбург, узнав во Франкфурте от банкира Алленца о прежнем предосудительном ее поведении, написал к ней резкое письмо, в котором объявил, что он должен с ней расстаться. Алина немедленно отвечала ему. Не отрицая справедливости дошедших до князя слухов, она напомнила ему о своей беременности, и слабодушный князь снова поклялся жениться на ней и везде говорил о твердой решимости обвенчаться с прелестною Алиной. Узнав это, Горнштейн сообщил князю справки о мнимом ее опекуне князе Голицыне. Тогда Алина вдруг собралась ехать в Петербург, куда будто бы призывали ее важные дела, и стала искать денег на поездку. Предположенной ею поездке, по-видимому, все окружающие ве-

рили, даже сам Горнштейн, снабдивший ее деньгами. Чтобы не разлучаться с своею любезной, князь Лимбург сам навел ее на новый обман: чтоб уверить Горнштейна в действительности происхождения ее от князей Владимирских, он посоветовал ей выдать за своего опекуна одного русского князя, жившего тогда в Спа. Она так и сделала. Обман удался вполне. Кто такой был этот русский князь – неизвестно, но впоследствии граф Орлов-Чесменский, когда уже взял самозванку, писал императрице, что она находилась в сношениях с одним знатным русским путешественником, намекая на Ивана Ивановича Шувалова.

XI

Выкупленное с помощью принцессы Владимирской графство Оберштейн князь Лимбургский подарил ей как своей невесте. Хотя формального акта на эту передачу, сколько нам известно, не сохранилось, но единогласные удостоверения разных лиц о действительности этого подарка не оставляют сомнения, что князь в самом деле передал это владение своей очаровательнице. Она переселилась в доставшееся ей таким образом графство в октябре 1773 года.

Здесь она изменилась во многом. С того времени, как она сделалась в Оберштейне полною хозяйкой, князь, бывший в Аугсбурге, и Горнштейн стали получать от разных лиц жалобы на самовластие новой владительницы, а более всего удивляло их, особенно же ревностного католика Горнштейна, что, несмотря на уверения ее, будто занимается изучением католической веры, она стала ходить в протестантскую церковь. Затем, отдалив от себя прежнюю прислугу, Али-на приняла к себе на службу новых лиц и в том числе дочь прусского капитана, Франциску фон-Мешедде, которая была при ней безотлучно до самого конца ее приключений и вместе с нею попала в Петропавловскую крепость. Наконец, удалив де-Марина и всех прежних друзей, принцесса стала заботиться и об удалении самого князя Лимбургского. Они поссорились, но Горнштейн умел помирить их; несмотря на то,

Алина стала холоднее к жениху, а через несколько времени, кажется, и вовсе не помышляла о свадьбе. Что-то она затевала, но князь не мог проникнуть ее замыслов; она только сказала ему, что вместе с Огинским предпринимает блестящее и необыкновенно выгодное дело, и просила сто тысяч гульденов для начатия его.

Осенью 1773 года в Оберштейн стал являться молодой человек, приезжавший из Мосбаха, и проводить по несколько часов с владетельницей замка наедине. Он был известен оберштейнской прислуге под именем «Мосбахского незнакомца». Полагали, что это новый любовник, и не ошибались. Алина была слишком пылкого темперамента и не могла жить без любовников, в этом она сама сознавалась, в этом каялась и во время предсмертной исповеди. Мосбахский незнакомец был поляк.

Князь Карл Радзивил летом 1772 года приехал на берега Рейна, откуда входил в сношения с Версальским кабинетом. При нем было немало приверженцев Барской конфедерации и врагов короля Понятовского, которых он употреблял для переговоров. Князь Радзивил не был настолько умен, чтобы самому вести политическую интригу, но в помощниках у него недостатка не было. Мосбахский незнакомец принадлежал к их числу. Это был Михаил Доманский, друг Радзивила, который в 1769 году, во время Барской конфедерации, был консилиаржем Пинской дистрикции (уезда). Он приехал на Рейн одновременно с князем Радзивилом. В марте

1773 года Радзивилл посылал его из Мангейма, где тогда они жили, в Ландсгут, на конфедерационный генеральный польский комитет, собиравшийся в этом городе. Этот комитет состоял из главнейших членов Барской конфедерации, бежавших за границу после решительного поражения их русскими войсками. Целью совещаний было противодействие трактату, который тогда готовились заключить между собой Россия, Австрия и Пруссия о разделе Польши. Доманский предложил от имени Радзивила: издать манифест, в котором протестовать против приготавливаемого раздела и всеми средствами содействовать низвержению с престола Станислава Понятовского. Предложение было принято. В следующем апреле Радзивилл переехал во Францию, избрав местопребыванием своим Страсбург, и осенью 1773 года ездил в Париж.

По возвращении из Парижа в Страсбург, он немедленно послал в Константинополь одного из своих приближенных, Коссаковского, чтобы склонить Порту на сторону конфедератов и выпросить для Радзивила султанский фирман на проезд в турецкую армию, действовавшую тогда против русских. В то же самое время другой его приверженец, Доманский, начал свои таинственные посещения к оберштейнской красавице.

Обратим теперь внимание на то, что происходило в России в это время приготовления поляками самозванки, которая, по их планам, должна была произвести замешательство в России. Летом 1773 года явился на Яике Пугачев, в сентяб-

ре он осаждал Яицкий Городок, взял Илецкую защиту, крепости Рассыпную, Татищеву, Чернореченскую. Затем овладел Сакмарским Городком и Пречистенскою крепостью, а 5 октября находился уже под стенами Оренбурга. Башкирцы и мешчеряки, обольщенные подарками и обещаниями самозванца, стали нападать на русские селения и толпами переходить в шайки бунтовщиков; киргизский хан Нурали вошел в дружеские сношения с Пугачевым, мордва, черемисы, чувашки заволновались и перестали повиноваться русскому правительству, служилые калмыки бегали с форпостов, помещичьи крестьяне Оренбургского края и по Волге заговорили о воле, о воле «батюшки Петра Федоровича». В половине октября Оренбургский край весь уже был охвачен мятежом; тогда же (14 октября) императрица послала, для усмирения развивающегося мятежа, генерала Кара, который, как известно, в начале ноября доставил Пугачеву возможность разбить находившееся под его командой войско.

Фокшанские переговоры не привели ни к какому соглашению. Граф Григорий Орлов, возвратясь в Петербург, увидел, что карьера его кончена: он пал. Чесменский герой, находившийся с флотом в Средиземном море, не скрывал своего недовольствия против императрицы. В свою очередь, Панины явились ее противниками. В сентябре 1774 года Павел Петрович вступил в брак с гессен-дармштадтскою принцессой Вильгельминой, названною, по принятии православия, Наталиею Алексеевною. По внушениям Никиты Ивано-

вича Панина, она восстанавливала подпавшего под ее влияние супруга против его матери, внушая, что настала пора ему самому царствовать.

По прекращении фокшанских переговоров начались военные действия против турок. Но войска было мало, и, несмотря на победы Вейсмана и Суворова, армия наша должна была отступить на левый берег Дуная. Осада Силистрии не удалась.

Шведский король Густав III, нарушив конституцию, сделался в 1772 году самовластным государем и горел нетерпением загладить полтавское поражение Карла XII. Он грозил России войной, и с часу на час ожидали, что последует разрыв и шведские войска явятся в Финляндии.

В Польше дела наши шли вяло, русского войска было там немного, и конфедераты подняли головы.

Напрасно Станислав Понятовский объявлял амнистию за амнистией: никто почти не обращал на них внимания, и конфедераты продолжали свое дело. Версальский кабинет подавал им надежду на вооруженное вмешательство Франции в войну России с Турцией. Говорили, что в Тулоне снаряжается сильная французская эскадра, которая должна идти на помощь бедным остаткам турецкого флота, сожженного Алексеем Орловым при Чесме.

Известия о всех этих обстоятельствах, преувеличенные до крайней степени или совсем даже искаженные, разносились по Европе и возбуждали надежды поляков. Известия эти по-

являлись и в газетах. Конечно, тогдашняя журналистика не имела еще такого влияния на дела политические, какое получила она в нашем столетии, но рассеянные по западным государствам члены Барской конфедерации и тогда умели пользоваться ее силой, и тогда, как в недавнее время, подкупали журналистов и печатали разного рода клеветы на ненавистную им Россию.

Польские эмигранты осенью 1773 года признали благовременным поставить новое затруднение Екатерине в лице подготовленной князем Карлом Радзивилом претендентки на русский престол. Нельзя думать, чтоб они серьезно надеялись возвести на престол Русской империи подставную самозванку, им нужно было лишь создать как можно больше затруднений императрице Екатерине, им нужно было лишь произвести новое замешательство в России. Впрочем, носил же ведь некогда Мономахову шапку названный сын Ивана Грозного, выставленный польскими панами. Отчего же и не повториться этому? Ведь до 1762 года в России, при неопределенности прав престолонаследия, так часто происходили перемены в правительстве, что произведение нового переворота никому не казалось делом невозможным. Сама Екатерина нередко тревожилась этим. И как ей было не тревожиться после заговора Гурьевых, после покушения Мировича, при интригах Никиты Панина, после того, как до нее доходили сведения, будто чумный бунт в Москве 1771 года

произведен был Петром Ивановичем Паниным³¹, будто Иван Иванович Шувалов интригует против нее в западных государствах.

³¹ В деле о моровом поветрии и бунте, находящемся в государственном архиве, есть на это указание.

XII

Мосбахский незнакомец чаще и чаще являлся в Оберштейне. Князь Лимбург сильно ревновал его и думал, что между прекрасною Алиной и этим незнакомцем существуют одни лишь эротические отношения. Из писем князя к его возлюбленной видно, что молва о любовных ее отношениях к таинственному незнакомцу сильно распространилась и что даже в газетах появился по этому поводу какой-то пасквиль. Князь знал, что соперник его поляк, принадлежащий к палатинату, то есть к партии князя Карла Радзивила (палатина виленского). Но поездки Доманского в Оберштейн имели характер не столько любовный, сколько политический. Вследствие этих посещений, в декабре 1773 года разнесся в Оберштейне слух, что в этом замке под именем принцессы Владимирской живет прямая наследница русского престола, законная дочь покойной императрицы Елизаветы Петровны, великая княжна Елизавета. Слух об этом распространился и по другим местам; князь Лимбургский был очень рад такой новости, надеясь, что она склонит его родственников к согласию на брак, которому они сильно противились. Но претендентка на русскую корону, кажется, уже не теми глазами смотрела теперь на влюбленного князя, она была к нему холоднее прежнего. Лимбург ревновал, писал к ней страстные письма и в то же время формально поручал ей вести дело с

русским министерством относительно прав его на Голштинию. Принцесса приняла на себя это дело.

Между тем газеты известили о действиях Пугачева, об осаде им Оренбурга и о распространении мятежа по Уралу. Родственница Радзивила, княгиня Сангушко, получала сведения о ходе дел в России, об успехах Пугачева. Сведения эти доставлялись в Оберштейн к самозванке, причем княгиня Сангушко сообщала ей списки мест, занятых пугачевскими шайками. В это время сам Радзивил счел наконец нужным лично повидаться с мнимою великою княжной и хотел для того приехать к ней в Оберштейн. Князь Лимбург был против этого, но только потому, что боялся новой измены своей невесты. Радзивил писал, что горит нетерпением представиться принцессе, но затрудняется приехать к ней, потому что, одетый в польский кунтуш, может обратить внимание любопытных и тем повредить делу, которое должно вести пока в тайне. Равным образом и ее посещение Радзивила в занимаемом им доме может иметь такие же последствия. Чтоб иметь свидание, Радзивил нанял в Цвейбрюккене особый дом, остававшийся никем не занятым, и в этом доме предложил самозванке иметь с ним свидания. Она согласилась. Свидание состоялось в Цвейбрюккене (Deux Ponts) около нового 1774 года, и после того между князем Карлом Радзивилом и прекрасною принцессой завязалась деятельная переписка. Радзивил возлагал на нее великие надежды. Предположено было: пользуясь замешательством, произведе-

денным Пугачевым, произвести новое восстание в Польше и в белорусских воеводствах, отошедших по первому разделу во владение России, самой же принцессе, вместе с Радзивилом, ехать в Константинополь и оттуда послать в русскую армию, находившуюся в Турции, воззвание, в котором предьявить свои права на престол, занимаемый Екатериной. Этим способом надеялись они свергнуть Екатерину и доставить самозванке императорскую корону. С своей стороны самозванка обещала Радзивилу вернуть Польше отторгнутые от нее области, свергнуть Понятовского с престола и восстановить Польшу в том виде, в каком она находилась при королях саксонской династии. В одном из своих писем князь Радзивил говорит самозванке: «Я смотрю на предприятие *вашего высочества*, как на чудо провидения, которое бдит над нашею несчастною страной. Оно послало ей на помощь вас, такую великую героиню».

Через несколько времени принцесса уведомила князя Лимбурга о полученном ею от княгини Сангушко известии, что король Людовик XV одобрил намерение ее ехать с князем Радзивилом в Венецию и Константинополь и оттуда предьявить права свои на русский престол.

Михаил Казимир Огинский, как официальный посланник польского короля, до сего времени шага не делал к участию в замыслах бывшей своей любовницы. Кроме того, что служебное положение стесняло свободу его действий, он и по природе своей был человек крайне осторожный и притом ле-

нивый; он боялся скомпрометировать и себя и польское дело, в случае, если замысел «принцессы Владимирской» не удастся. Она приглашала его для переговоров в Оберштейн, на что соглашался и ревнивый Лимбург, хотя не без колебания, ибо он, кажется, больше всего к Огинскому ревновал свою невесту. Чтобы не помешать своим присутствием их переговорам, он даже уехал из Оберштейна в Бартенштейн, где жила его сестра. Там он хотел приготовить родных своих к предстоящему браку его с принцессой Елизаветой. Но Огинский не приехал в Оберштейн; Людовик XV в это время находился при смерти. Отлучиться от двора умирающего короля он не мог, ибо, в случае его смерти, должен был выждать, какое направление примет политика его преемника. Зато не раз посылал он в Оберпгтейн своего агента, аббата Бернарди, бывшего наставником детей его зятя, литовского великого кухмистра (т. е. обер-гофмаршала), графа Михаила Виельгорского³². Принцесса через этого аббата всячески уговаривала Огинского присоединиться к ней и даже вместе с Радзивилом ехать в Венецию, а оттуда в Константинополь. Теперь это было возможно для Огинского, ибо он не был более посланником; пост его занял граф Виельгорский. Но Огинский медлил.

³² Он был женат на сестре Огинского, Елизавете. Воспитывавшиеся у аббата Бернарди дети графа Виельгорского были Михаил и Иосиф. Старший, Юрий, впоследствии бывший польским посланником в Петербурге, а потом, по принятии русского подданства, сенатором (женатый на Матюшкиной), в это время кончил уже воспитание. Ему было тогда более 20 лет.

Между тем князь Лимбург продолжал переписку с своею возлюбленною. По-видимому, эта переписка была между ними предварительно условлена, чтобы показывать ее родственникам князя и другим лицам, в случае каких-либо сомнений с их стороны или недобрых толков о принцессе и ее поездке с Радзивилом, когда она огласится. В одном из таких писем, посланном к князю в Бартенштейн, принцесса, успокоивая в нем чувства тревоги, снова возникшей по поводу таинственных посещений ее каким-то молодым поляком (то был если не Доманский, то князь Иероним Радзивил, брат князя Карла), извещала его, что готова принести в жертву милому князю свою блестящую карьеру, но должна предпринять небольшое путешествие, для устранения последних препятствий к их браку. К этому она прибавляла, что, по зрелом обсуждении, она решилась познакомиться с его родными не прежде, как сделается его женой и уплатит издержанные им на нее деньги. В ответ на это Лимбург написал, что, не имея возможности вознаградить часть рода человеческого (то есть Россию) за потерю такой прекраснейшей принцессы, он не может принять от нее такой жертвы. Письма свои князь Лимбург уже адресовал: *ее императорскому высочеству принцессе Елизавете Всероссийской.*

XIII

Князь Лимбург на последние остававшиеся у него денежные средства устроил отъезд своей возлюбленной, достав ей, хотя с большим трудом, на дорогу денег, кроме того, открыл ей кредит у находившегося в Аугсбурге трирского министра Горнштейна и даже отдал ей деньги, приготовленные на собственную поездку в Вену к императору, по делам притязаний на Шлезвиг – Голштейн. Зато принцесса обещала сама впоследствии съездить к императору и выхлопотать это дело.

Князь Лимбург дал ей письменное на то полномочие.

Из Оберштейна принцесса выехала 13 мая 1774 года вместе с князем Лимбургом. Он провожал ее до Цвейбрюккена. Здесь они расстались; на прощанье князь дал ей торжественное обещание быть ее супругом. В письмах, после того писанных, они называли друг друга супругами. Она и в Петропавловской крепости называла князя Лимбурга своим супругом, хотя и объясняла, что по церковному чиноположению они не венчаны. Из Цвейбрюккена принцесса поехала в Аугсбург для свидания с Горнштейном, а печальный, расстроенный разлукой с своею очаровательною «супругой» князь возвратился в Оберштейн, теперь сделавшийся ему столь дорогим по воспоминанию о пребывании в нем прекрасной Алины. По приискании денег на путевые издержки, князь обещался ей немедленно приехать в Венецию, а оттуда

сопровождать принцессу в Турцию.

В Оберштейне князь застал Бернарди, посланного от Огинского к принцессе с просьбой, чтоб она разъяснила ему свои намерения и таинственные намеки, сделанные ею в письме относительно будущности Польши. Князь убедил Бернарди в действительности царственного происхождения своей возлюбленной и рассказал ему о сношениях ее с княгиней Сангушко. Этого было достаточно для убеждения французского аббата. Бернарди был ревностный поклонник прусского короля Фридриха II, человек, вполне ему преданный. Он пришел в восхищение, когда князь Лимбург, поверяя ему планы мнимой наследницы русского престола, уверял его, что как скоро она наденет на голову корону деда своего Петра Великого, то немедленно приступит к политике прусского короля, перед которым благоговееет, что она теперь же, посредством сношений с Пугачевым, постарается способствовать расширению владений Фридриха II на востоке, для чего отклонит вмешательство Австрии турецкими делами, а внимание России – войной с шведским королем, который таким образом будет помогать и ей, и Пугачеву. Бернарди, выслушав князя Лимбурга, дал ему слово, при содействии Виельгорского, убедить Огинского к немедленному отъезду в Венецию, куда уже отправился князь Радзивил со множеством поляков, приверженцев Барской конфедерации.

Принцесса торопилась ехать в Венецию, где ожидал ее

князь Радзивил. Чтобы не иметь остановки в Аугсбурге, где Горнштейн должен был достать ей денег, она еще из Вирцбурга послала передового курьера к трирскому министру, прося его поторопиться приисканием денег и уведомляя, что едет в Венецию, а вслед за нею отправится туда и князь Лимбург. Горнштейн бросился к своему другу уговаривать его не путаться в опасное дело, не ездить в Венецию. Князь поколебался, но оставался однако при своем намерении. Тогда Горнштейн поскакал на свидание с принцессой. Не желая возбуждать общего внимания на свои сношения с претенденткой на русский престол, чтобы тем не скомпрометировать своего государя, курфюрста Трирского, у которого был главным министром, Горнштейн не поехал в Аугсбург и свиделся с принцессой в Зусмаргаузене. Здесь он настоятельно убеждал ее отказаться от своих замыслов, не идти на верную погибель, не связываться с поляками, которые только желают иметь ее своим орудием для достижения собственных замыслов, умолял ее возвратиться в Оберштейн и жить с князем Лимбургом, удаляясь от всех политических интриг. Принцесса поколебалась и дала ему слово пробыть в Венеции самое короткое время, а потом возвратиться в Германию и хлопотать в Вене по Шлезвиг-Голштейнскому делу. Горнштейн выдал ей, за счет князя Лимбурга, 200 червонцев, и она уехала. В Бриксене к ней присоединился Доманский с разными лицами, большею частию поляками. Она сообщила им, что, обдумав все шансы затеянного ею предприятия,

она не решается ехать в Константинополь и намерена пробыть в Венеции самое короткое время, а потом воротиться в Германию. Это озадачило поляков, особенно Доманского. Но «Мосбахский незнакомец» имел на принцессу влияние: он стал ее уговаривать не оставлять задуманного предприятия, блестящими красками разрисовал будущее ее положение, когда скипетру ее будут повиноваться миллионы. К этому присоединены были нежные ласки, и Алина не устояла. Она решилась идти, куда поведет ее гений Польши, нарушила данное Горштейну слово и уведомила его, что пробудет в Венеции несколько долее, чем обещалась. Зная слабую струну ревностного католика Горштейна, Алина приписала, что намерена воспользоваться пребыванием в Венеции для основательного изучения догматов римско-католической веры, которую намерена принять.

Горштейн был крайне удивлен, получив чрез несколько дней два письма: одно от князя с просьбой передать присланное письмо «ее императорскому высочеству принцессе Елизавете Всероссийской», а другое от нее, с «просьбой доставить приложенное письмо к *ее супругу*». До сих пор он не придавал особенного значения слухам и разговорам о царственном происхождении любовницы своего друга, но теперь увидел, что сам князь признает ее за дочь императрицы Елизаветы. Ему, главному министру одного из германских курфирстов, неловко было передавать такие письма: они могли навлечь немало хлопот его государю; с другой сто-

роны, Горнштейн мог заключить, что брак князя Лимбурга, против которого он так усердно действовал, совершился... Он написал к принцессе письмо, в котором обращал ее внимание на множество противоречий, встречающихся как в прежнем, так и в настоящем ее поведении, а впрочем, обещал ей зависящую от него помощь и настоятельно уговаривал выбрать в Венеции хорошего католического священника, которому бы она могла вполне довериться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.